

Автор бестселлеров по версии "New York Times" и "USA Today"

МЭРРИАН

ТИ

МОЙ *голландский*
МИЛЛИАРДЕР

ВИЛЛЕМ И СЕРЕНИТИ

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ И НЕ ТОЛЬКО

ЧАСТЬ 1

Шесть месяцев после событий второй книги.

— Он сейчас занят, но говорил, что мы сможем встретиться в Милане.

Слова слетели с уст Шейн, и словно змея поползла из прихожей в гостиную, где сейчас была девятнадцатилетняя Серенити. Сквозь открытую дверь Серенити увидела, как сестра дует губки, хоть она и была повернута лицом к окну. Казалось, что модель, которой была Шейн, никогда не дремлет, и каждую минуту пытается позировать.

— У меня там намечено мероприятие. Ну, знаешь, ничего особенного. Они хотят, чтобы я появилась на открытии одного нового клуба. Конечно же я согласилась, моя ценность резко возросла с тех самых пор, как кто-то рассказал прессе о нашей будущей женитьбе с Виллемом.

При упоминании имени Виллема, пальцы Серенити сильнее сжали книгу.

Из соседней комнаты она услышала хохот сестры.

— О, Боже мой! Ты не знала? Я думала, это уже давно не секрет.

Серенити поникла. *«Больше не секрет»* — тупо подумала она. С кем бы Шейн не говорила, каждый считал, что не происходило ничего серьёзного между Виллемом и Шейн Роли.

Серенити полагала так же, до *той самой ночи*.

Находясь в другой комнате, Шейн просияла порочной улыбкой, заметив в отражении зеркала, боль, исказившую лицо Серенити. *«Надеюсь, она умрёт полным ничтожеством»* — подумала Шейн. Даже сейчас она не понимала, что миллиардер нашёл в её сестре. Девчонка была более бледной версией её самой во всём. Она ведь была настолько скучна, что и слова никому не могла сказать. Как же некто такой, как Виллем де Конаи мог её захотеть?

«Быть может, это её невинность?» — Подумала Шейн. Даже она не могла отрицать того факта, что её сестра была воплощением исключительной добродетели. Наверное, это было в новинку для мужчины, забрать девственность девушки. Данная мысль заставила Шейн вздрогнуть. Что ж, не было ни единого сомнения, что Виллем украл невинность Серенити. Даже Шейн не могла забыть, как сестра кричала миллиардеру подождать, молила Виллема не уходить.

Губы Шейн искривились. *Жалкая потаскушка*. Это ещё один раз доказало, как мало Серенити понимала мужчин. Истинная любовь была жалкой тратой времени с миллиардерами, вроде Виллема де Конаи. Для них всё вертелось вокруг сексуального удовлетворения и защиты своих активов, а Серенити была наивной душой, если полагала, что миллиардер влюбится в неё только потому, что разорвал её девственную плеву своим членом.

«Жалкая» — вновь подумала Шейн. *«Жалкая маленькая идиотка. Надеюсь, ты навсегда останешься такой никчемной»*.

Нагрузки и режим всегда помогали Серенити чувствовать себя полноценной. С самого детства она привыкла строго следовать распорядку дня, и с годами, прошедшими после смерти её отца, она находила умиротворяющим то, с какой завидной регулярностью

повторяются её дни. Регулярный приём пищи, лекарства каждые шесть часов, встречи с консультантом по пятницам — и Серенити любила это всё за то, что её ум освобождался от *лишних* раздумий.

Когда она впервые покинула офис Виллема, всё было так же само. Строгий распорядок дня приходил ей на помощь. Тогда часами она просиживала в библиотеке, и проводила свободное время, прогуливаясь на велосипеде по городу.

Но на этот раз, всё было по-другому.

Она так отчаянно старалась найти то, что сможет занять её, отвлекая от тёмных мыслей, и заставляя её сердце биться вновь. Но ничего не помогало. Воспоминания не волновало ни время, ни место, они просто возвращались. Она могла наслаждаться одиночеством за завтраком. Могла находиться в машине, слушая очередные едкие выговоры Мелани. Могла бродить в поисках одежды в ближайшем бутике. Они не спрашивали разрешения где и когда им появиться.

Просто выплывали из ниоткуда...

И в мгновение ока, Серенити переносилась в самое ужасное утро своей жизни.

Вот, как сейчас.

Она была всего в десяти минутах езды от станции «Амстердам-Зюйд», когда образ Виллема всплыл в её памяти. Он был повернут к ней спиной, и хоть она прекрасно понимала, что всё это плод её фантазии, всё равно горло сдавило стальной хваткой...

Воображаемый Виллем всё дальше уходил от неё.

Нижняя губа начала дрожать, и Серенити с силой прикусила её, стараясь избежать такой реакции.

А он всё также уходил в даль.

«*Подожди. Пожалуйста. Подожди*». Кричал её внутренний голос, и глаза жгло от слёз.

Сердце обливало кровью, грудь сдавило болью, которая норовила разорвать её на части.

— Мисс, с вами всё в порядке? Мисс?

Она поняла, что плачет, слёзы льются рекой из её глаз, застилая пеленой всё вокруг. Серенити часто заморгала, чтобы восстановить зрение. Смущённо она стала утирать слёзы, поспешно бормоча что-то в ответ. Она чувствовала на себе взоры всех пассажиров, вероятно гадающих, что же заставило её лить такие горькие слёзы.

Серенити отвела взгляд к окну.

«*Потому что я любила*» — уныло подумала она. Всё было так просто и так мучительно. Она любила, но так и не дождалась взаимности.

Меланхолическое настроение Серенити не отступило и тогда, когда она вошла в Амстердамский свободный университет (прим. VU — Амстердамский свободный университет входит в число ведущих университетов Европы и является ведущим научно-исследовательским университетом Нидерландов), и погрузилась в болтовню и смех ребят её возраста. Она их видела, но по правде говоря, не могла никого различить. Это было как-то неправильно находиться здесь, и ей казалось, что уже никогда Нидерланды не смогут быть для неё уютным домом, не тогда, когда она знала, что Виллем живёт в той же стране, и дышит тем же воздухом, что и она.

Серенити должна была пойти в приёмную комиссию университета, но вместо этого направилась в библиотеку. Там находился газетный киоск, и прямо по центру красовалось фото Виллема собственной персоной. Прежде, чем она поняла, что творит, Серенити схватила журнал и пробежалась взглядом по статье.

Одно слово захватило её внимание.

Милан.

По словам журнала, никто не ожидал увидеть Виллема на конференции в Милане, и его приезд навёл полную суматоху. Аналитики высказывали свои самые смелые прогнозы, начиная с того, что он собирается поглотить одну из пришедших в упадок итальянских компаний, заканчивая предположениями того, что он там из-за флирта с некой итальянской кинозвездой.

«Они не знали, а Шейн знала», — подумала Серенити.

Её сестра знала ещё вчера, а они не знали.

И внезапно, она решила, что с неё достаточно.

Мелани всё продолжала верещать и бушевать.

— Думаешь, я позволю тебе вот так просто уехать, ты маленькая неблагодарная сучка?

Серенити продолжала неподвижно сидеть на своем месте, слушая, но ничего не слыша.

— Отвечай! — Кулак Мелани врезался в поверхность стола, заставляя его вибрировать.

Серенити только открыла рот, дабы ответить, но тут отворилась дверь, и в комнату вплыла Шейн.

— Господи, — протянула она, — что ты тут устроила, мамочка? Что случилось? — Шейн чмокнула Мелани в щёку, перед тем, как заняла стул напротив Серенити. Она позволила себе беглым взором окинуть девушку, и была рада заметить её красные и заплаканные глаза.

«Аха-ха», — без капли сочувствия думала Шейн.

Мелани метнула в неё разъярённым взглядом.

— Быть может ты поговоришь с этой маленькой неблагодарной сучкой? — Прошипела она Шейн. — Идиотка собирается покинуть мой дом, ради учёбы в Греции!

Брови Шейн поползли на лоб в удивлении.

— Греция? — Для неё была безмерно отвратительна такая идея, ибо она не сможет больше издеваться над сестрой, и наблюдать, как сказанные ею слова искажают болью лицо Серенити. — Я согласна с мамой, это плохая идея для кого-то вроде тебя...

Серенити быстро прервала её:

— Но я всё же еду.

Шейн прищурила глаза.

— Прошу прощения, — она ожидала, что Серенити отступит, как всегда, но вместо этого, сестра встретила её пристальный взгляд — бледная и безмолвная. Серенити никогда не шла против воли Мелани или её, и на один ужасный миг, Шейн показалось, что сестра узнала всю правду.

«Нет, это невозможно», — подумала Шейн, хотя сердце и пропустило пару ударов. В ту ночь, когда Виллем постучался в дверь её комнаты, он был однозначен и непреклонен в своей просьбе: Серенити должна поверить в то, что он и Шейн продолжают встречаться, и она должна говорить что угодно сестре, лишь бы та держалась подальше от него.

— Прежде, чем я соглашусь, хочу, чтобы ты ответил на один вопрос, — Шейн повернулась к нему лицом. На ней была надета полупрозрачная ночная рубашка, которая своими кружевами едва скрывала её нагое тело. Она смотрела на него с некой одержимостью, когда с яростью поняла, что Виллем видит в ней простого собеседника, будто она мужчина.

— Я знаю о чём ты хочешь спросить, и мой ответ — это не имеет никакого значения, — голос миллиардера был резким, а лицо непоколебимое. — Вижу по твоему лицу, ты знаешь, что я провёл с ней ночь. Это был первый раз, и он станет последним с твоей помощью.

— Это потому, что она была девственница, а я нет? — Шейн не смогла удержаться, потребовав от него резко. — Это твой новый фетиш? Лишение девственности? — Ледяной гнев, вспыхнувший в ярко-голубых глазах Виллема де Конаи, остудил её жар, и ей пришлось проглотить слова, которые она собиралась бросить ему в лицо.

— Никогда, — медленно сказал миллиардер, — не говори подобного в моём присутствии.

— Прости, — пред гневом Виллема де Конаи, у неё не было другого выбора, как извиниться. — Но ты не можешь винить меня. Я знаю, что ты не любишь меня, но моя сестра? Почему из всех, именно она? — Она также довольно давно знала Виллема, чтобы прочитать его эмоции по лицу. Она понимала, что её невинная шарада вывела его из себя, но также, она прекрасно видела, что если она сейчас всё правильно обыграет, то вновь заработает его благосклонность.

«Бинго», — подумала Шейн, заметив, как румянец пробивался сквозь загорелую кожу миллиардера от её слов.

— Этого больше не случится, — тяжело вздохнул миллиардер. — Я буду тебе очень признателен, если ты посодествуешь мне в этом деле, и поверь, ты получишь достойное вознаграждение за это.

Шейн опустила взгляд, чтобы миллиардер не увидел блеска в её глазах, при упоминании вознаграждения. Тем не менее, она сделала вид, что отказывается, отвечая дрожащим голосом:

— Мне не нужны награды, чтобы помочь тебе в том, что ты просишь. Ты предал меня. Ты и Серенити предали меня, — она позволила горечи обиды показать свои клыки, понимая, что это позволит её словам звучать правдоподобнее. — Держать её подальше от тебя, доставит мне сущее удовольствие.

Виллем с шумом втянул воздух.

— Мне жаль, Шейн. Хочу, чтобы ты знала, это полностью моя вина. И пожалуйста, позволь мне искупить свою ошибку так, чтобы это было полезно и тебе.

Даже со склонённой головой, она увидела, как миллиардер сжимает кулаки, и она задержала дыхание, ещё не зная, что дальше скажет Виллем, но уже понимая, что это будет предельно важно, и предопределит её дальнейшие действия.

— У меня всего одна просьба.

— Что же это? — Прошептала Шейн.

— Не будь жестока к Серенити. Скажи только то, что нужно, но не будь жестока. Её и так ранит мой уход. Я не желаю, чтобы она ещё больше страдала.

Кровь Шейн остыла в венах.

«Глупец», — подумала она, и на этот раз, её горечь не знала границ. Миллиардер был полным глупцом. Шейн могла стать его невестой, а вместо этого, он влюбился в её маленькую никчёмную сестрицу.

*На её глаза накатались фальшивые слёзы, и она взглянув на Виллема ответила:
— Конечно же, — но себе в душе пообещала делать обратное.*

Воспоминания Шейн возродили всю горечь и боль, из-за которых, Серенити вздрогнула, встретив взгляд сестры.

— Ты останешься здесь, — прошипела Шейн. — И на этом точка.

Серенити покачала головой, даже несмотря на гнев сестры, волнами исходившей от неё.

— Прощу п — прощения, но я уже приняла решение.

Шейн привстала с места, и прежде, чем кто-то сможет отреагировать, её ладонь опустилась со звонкой пощёчиной на лицо Серенити.

— Шейн, — в шоке выдохнула Мелани, полностью озадаченная яростью на лице дочери.

Глаза Серенити распахнулись от удивления, а рука потянулась к покалывающей щеке.

— Да как ты смеешь быть такой неблагодарной, когда я и моя мать были настолько самоотверженны и любезны, чтобы принять тебя, хотя ты всего лишь незаконнорождённый ребёнок моего отца? — Швырнув стул в сторону, Шейн обогнула стол и схватила Серенити за волосы.

— О Боже мой, Шейн! — Мелани вскочила с места, ошеломлённая сценой насилия, но была не в силах что-то поделать. Она совсем не знала Шейн с этой стороны, и была невероятно напугана. Что происходит?

Серенити постаралась бороться с сестрой, когда та за волосы вытянула её из-за стола, но это оказалось сложно, потому что Шейн оказалась невероятно сильной, и было сложно увернуться от неё.

— Нужно просто запереть тебя, — Шейн кричала ей в лицо, пока пальцы сильнее сжимали белокурые локоны Серенити, — по крайней мере, тогда ты больше не сможешь вредить нам, и не будешь иметь возможность флиртовать с Виллемом...

Серенити побледнела.

Шейн замерла.

А затем захохотала.

— А ты думала, что я ничего не знаю? — На задворках своего сознания она услышала голос Виллема, предупреждающий, не быть жестокой к Серенити, но она тут же проигнорировала его.

Она оттолкнула сестру прочь от себя, с удовольствием замечая, как она теряет равновесие и ударившись о стену, с громким грохотом падает на пол.

— Сразу, после того, как Виллем забрал твою невинность, он пришёл ко мне, — усмехнулась она. — Он сказал, что считал, ты будешь практичной, но взглянув после секса в твои глаза, понял, что ты будешь надоедливой и жалкой. Так что, он попросил меня сделать всё, что в моих силах, чтобы держать тебя от него подальше.

Серенити замерла, когда говорила Шейн, а когда она закончила, прошептала:

— Ты лжёшь.

Глаза Шейн сверкнули.

— Да неужели? — Продолжала издеваться она. — Если я лгу, тогда откуда могу знать,

что Виллем любил называть тебя *ангел*?

Сердце Серенити медленно перестало биться.

— Да, — усмехнулась Шейн, — это он мне сказал. Желаете, чтобы я продолжила список того, что он мне рассказал? Например, сколько раз он трахнул тебя? — Это был блеф, но зная сексуальную ненасытность миллиардера не понаслышке, она с уверенностью могла сказать, что он доводил её сводную сестру до иступления явно больше, чем один раз. И когда Серенити ещё больше побледнела от её слов, Шейн поняла, что не прогадала.

— Должно быть, ты полагала, что станешь особенной, потому что пришла в его постель девственницей. Но ты не особенная. И *никогда* ей не была, — наклонившись, Шейн попыталась погладить голову Серенити, будто успокаивая животное, и только рассмеялась, когда сестра оттолкнула её руку.

— Я ненавижу тебя, — прошептала Серенити.

— Я тоже ненавижу тебя, — проворковала Шейн.

Серенити медленно встала.

— Я уезжаю завтра, — её голос звучал слабо, но уверенно, — и больше никогда сюда не вернусь.

— Скатертью дорожка, — прошипела Шейн, разбрасывая всё, что попадало под руку. — Знаешь, Виллем заплатил мне, чтобы я держала тебя от него подальше. Ему показалось *неприемлемым*, что вы живёте в одном городе. Его *передёргивало* от одной мысли, что однажды, вы можете наткнуться друг на друга, и ты станешь молить его..., — она сделала вид, что задумалась, — мmmm, дай подумать. Как ты там говорила в то утро?

Тело Серенити задрожало. *Нет*. Мысленно выкрикнула она. Ни за что на свете она не хотела, чтобы её сводная сестра слышала, сказанные ею слова...

— Ах, вот! Вспомнила, — Шейн сделала вид, что всхлипывает. — *Пожалуйста, пожалуйста подожди. Пожалуйста, просто скажи...*

Серенити отчаянно хотела заткнуть уши... но не стала. Где-то, в глубине души, она понимала, что должна была это услышать. Чтобы раз и навсегда осознать истину — Голландский миллиардер, которого она любила, был не тем, за кого себя выдавал.

Шейн смотрела прямо на неё, ехидная улыбка играла на её лице, когда она спросила:

— И что же он тогда ответил тебе, моя дорогая сестра? — Но она не стала дожидаться ответа Серенити, вставив его сама.

Серенити видела, что двигаются губы сестры, но на самом деле, она слышала голос Виллема, произносившего те самые слова. Его прекрасный бархатный голос с таким сильным акцентом, голос от звука которого, в её сердце вновь расцветала любовь, но тут же гасла, разбиваясь на мелкие осколки о скалы реальной жизни.

В этом и проблема, мисс Роли. Вы думали, что я люблю вас.

На этот раз Шейн произносила эти слова, но Серенити снова и снова слышала, как Виллем отвергал её.

Медленно, молча Серенити повернулась спиной к Шейн и Мелани.

— Надеюсь, ты знаешь, что мы не позволим тебе вернуться, — закричала ей в след Шейн. До этого момента, она даже не представляла, что возможно ещё больше её ненавидеть. Её тошнило от одного только вида девушки.

Она ненавидела с каким достоинством она всё это переносила, ненавидела, как без единого слова ей удалось заставить Шейн почувствовать себя неудачницей, когда на самом деле, именно Серенити выставила себя потаскушкой и пыталась отбить Виллема у неё.

Шейн наблюдала, как Серенити хромая уходила прочь, а её ненависть всё росла и росла. Не устояв от соблазна, Шейн догнала Серенити и пнула в травмированную ногу. Она услышала, как за спиной ахнула Мелани, но проигнорировала мать, её взгляд был прикован к Серенити. Наблюдая, как её младшая сестра падает со вздохом на пол, но этого тоже оказалось недостаточно, чтобы почувствовать свою пустоту и жестокость, и ненависть только продолжала расти.

Мелани попыталась подойти и помочь Серенити, но Шейн оттолкнула мать.

— Она шлюха, мама, — жестко сказала она. — Ей не привыкать лежать на спине.

Серенити увидела, как сестра и мачеха уходят от неё, и попыталась пошевелить конечностями. В момент, когда за ними закрылась дверь, она позволила слезам хлынуть из глаз. В ней всегда жила крошечная надежда, что однажды Шейн и Мелани всё же полюбят её.

Но теперь она прекрасно понимала, что это была всего лишь глупая мечта, так же, как и мысли о том, что Виллем мог видеть в ней что-то особенное.

Настало время признать то, что она не особенная, *никогда* не была, и никогда не будет, чтобы стать достойной чьей-то любви.

ЧАСТЬ 2

Семь месяцев спустя после событий второй книги.

— Это абсолютно новый этап для островов Тилос, — с нетерпением заявил репортёр, указывая на здание под названием «Mageia», которое было построено в знак соперничества с «Atlantis Dubai», объединявшее в себе высокочеловеческое казино, пятизвёздочный отель и водный парк развлечений.

Туристическая статистика мгновенно возросла на беспрецедентные двадцать процентов, — продолжил репортёр с голосом полным впечатления. — И только что, я получил информацию, что в доках образовались очереди из сотен гостей, которые предпочитают дождаться своей очереди, хотя ещё неделю назад, руководство острова сообщило, что остров уже не в состоянии принять больше людей.

Возвращаясь в студию, ведущие утренней телепередачи качали головами от таких впечатляющих новостей об открытии нового фешенебельного комплекса «Mageia».

— Что по твоему мнению стало причиной такой невероятной популярности данного отеля среди туристов со всего мира? — С подлинным любопытством поинтересовался Роберт, ветеран с двадцатилетним стажем данного утреннего шоу.

— Я задаюсь таким же вопросом, — признался Джаред телеведущим. — Это явно не первый отель такого уровня, да и чего таить, наверняка можно найти и получше.

Единственная девушка в студии недоверчиво уставилась на них.

— Вы и правда не понимаете в чём секрет, не так ли?

Её коллеги-мужчины синхронно покачали головами в ответ.

— Не желаешь поделиться? — Спросил Эдвард, бизнес эксперт их группы.

Эмми вздохнула.

— Всё дело во владельце «Mageia».

— Синдикат де Конай? — Пораженно спросил Роберт.

— Вы мыслите стереотипами и видите во всё этом только королевскую семью и влиятельные синдикаты, в то время, как людей притягивает нечто иное. Они видят место,

где гарантировано — а я вас уверяю, так и написано в их брошюрах — каждый день смогут видеть одного из семейства де Конаи. Так что, задумайтесь именно над этим, — призвала она своих коллег в студии. — Обещано, что вы в любой день пребывания в «Mageia» будете иметь возможность встретить члена королевской семьи. Для многих, этого достаточно, чтобы затраты на «Mageia» оправдали себя.

— Теперь, когда ты это озвучила, — задумчиво пробормотал Роберт, — я определённо разделяю их рвение, — усмехнулся он добавляя. — Я бы заплатил любую цену, если бы знал, что там будет меня ждать Фарика де Конаи.

— Вот именно, — самодовольно ответила Эмми.

Эдвард кивнул с пониманием.

— Теперь, я тоже понимаю. И уверен, что каждая женщина на открытии мечтала повстречать главу клана — Виллема де Конаи.

Его коллеги забормотали в знак согласия.

— Кстати, о Виллеме де Конаи, — заговорила Эмми, — заметили, как он странно ведёт себя в последнее время? Появился в Милане, когда никто его там не ждал.

— Но в любом случае, всё прошло гладко, — добродушно утверждал Эндард. — Кажется, что он решил всем и каждому на этой планете доказать, что он лучший переговорщик. Перед сделкой в Милане, он получил одобрение на застройку ещё одного острова в Дубаи, а также, планируется открытие сети отелей в Южной Африке.

— Кажется, будто он старается на кого-то произвести впечатление, — вставил Роберт. — Быть может всё из-за его будущей жены — модели Шейн Роли?

— Возможно, — признала Эмми. — Она последняя женщина, с кем он был замечен, и это может означать, что они всё держат в секрете, а тем временем планируют свою свадьбу. Ведь это обычная практика для публичных людей в наши дни, не так ли?

— О, Боже мой. Представьте эти реки слёз, которые прольют женщины во всём мире, когда это всё же случится, — добавил Джаред, который был явным геем. — И я буду плакать вместе с ними.

Виллем выключил телевизор, когда все ведущие и гости студии залились звонким смехом. Положив пульт управления на небольшой журнальный столик, он направился в гардеробную, где его ждал подготовленный костюм.

Застёгивая последнюю пуговицу рубашки, он размышлял о том, что видимо стоит уже положить конец этим слухам о его женитьбе с Шейн. Уже более полугода прошло с того времени, и не было ни единого повода полагать, что она решит последовать за ни.

До сих пор Виллем не позволял себе произносить её имя, гнал даже самые мимолётные мысли о ней. Как бы он не переживал о том, что растоптал её в тот момент, он знал, что она сама виновата, потому что ослушалась его, не следовала установленным им правилам.

Полностью одевшись, Виллем поспешил вниз, присоединиться к остальным членам семейства де Конаи, которые были готовы приветствовать новую порцию гостей. Не задерживаясь, он направился в VIP зал казино, где каждый из сотрудников его радостно приветствовал.

Впервые, когда Виллем набрал команду работников, многие перешли к нему от другого работодателя, который был совсем не щедр к своим подчинённым. Узнав это, Виллем отдал приказ погасить всем долги с их бывшего места работы и поднять их прошлые оклады в двое. В ответ на что, команда не зная, как отблагодарить его в полной мере, записала ему видео

обращение со словами невероятной благодарности за его невиданную щедрость. Видео каким-то образом разлетелось по сети, и буквально на прошлой неделе Виллем получил сообщение, что он номинирован на премию «Человек года» по версии журнала «Time Magazine».

Это было весьма приятно, но не доставило ему особого удовольствия.

Успехи в бизнесе значили для Виллема, что он продолжает двигаться дальше, поэтому он хватался за каждое новое дело с ещё пущим рвением. Рискуя так, как он прежде никогда не позволял себе. Во всём он преуспевал, но ничего не давало ему желаемого чувства удовлетворения.

Каждую ночь, когда он возвращался домой, он чувствовал себя... опустошённым.

Каждую ночь ему приходилось заставлять себя уснуть, бороться с болезненными воспоминаниями о ней. Каждую ночь он проклинал её за то, что не уходит из его мыслей, но ещё больше проклинал за то, что так быстро сдалась...

«Достаточно», — жестко оборвал он очередной поток своей мысленно тирады.

Резко вдыхая, он постарался вернуть себя в реальность прежде чем войти в комнаты, отведённые под VIP залы. Внутри, он вновь надел маску приветливого и добродушного хозяина, приветствуя своих гостей с особой учтивостью и обволакивающим шармом. Он общался с ними ровно столько, сколько было необходимо по законам приличия, а затем занял место за одним из игровых столов, подавая таким образом пример остальным следовать за ним.

Все места за столом были мгновенно оккупированы, а одно рядом с ним занял не менее влиятельный и хорошо известный мужчина.

— Саллис, — Виллем протянул руку греческому миллиардеру.

Миколас Саллис с улыбкой пожал руку голландскому миллиардеру.

— Мои поздравления с успешным открытием «Mageia».

— Это было бы невозможно без поддержки гостей таких, как ты, — учтиво ответил Виллем.

Миколас рассмеялся.

— Ах, ты сладкоголосый подонок. Думаю, мне повезло, что нет нужды в том, чтобы противостоять тебе в ведении переговоров.

Напротив них крупье начала сдавать карты.

Лица миллиардеров приняли беспристрастное выражение.

Два других игрока за столом последовали их примеру, но сдались уже после первого круга, в свою очередь Миколас принял ещё одну карту, и Виллем также за ним в след.

Крупье вскрыла карты, и миллиардеры последовали её примеру. У последних двоих оказалось восемь, а вот у девушки крупье их было девять.

Оба миллиардера практически одновременно пожали плечами, услышав смех из приличной толпы собравшейся вокруг их игрового стола.

Миллиардеры сыграли ещё на две сдачи карт, а затем Миколас посмотрел на свои наручные часы, с сожалением сообщив, что вынужден покинуть игру, чтобы встретить свою жену в баре с роялем.

— Конечно же, — ответил Виллем также поднимаясь на ноги. — Позволь тебя проводить.

— Для нас будет большая честь, если ты присоединишься к нам за ужином, — предложил Миколас, когда они подошли к лифтам, предназначенным исключительно для

гостей VIP зоны. — Моя Вельвет часто упрекает меня в том, что я жуткий собственник, так что таким образом я докажу ей обратное.

Виллем вздёрнул бровь, и когда дверь лифта за ними захлопнулась, учтиво поинтересовался:

— Я должен оскорбиться или быть весьма польщённым тем фактом, что ты не рассматриваешь меня, как угрозу своему браку?

Миколас рассмеялся.

— Конечно же это лезть. Если бы не слухи о твоей скорой женитьбе на голландской модели, я бы не подпустил тебя к ней и на расстояние пушечного выстрела.

— Оу, — губы Виллема сжались в тонкую линию.

Миколас задумался, увидев реакцию на его слова. Лифт доставил их в лобби, и когда оба мужчины вышли, Миколас спросил непринуждённо:

— Быть может, я что-то не так понял?

— От части, — признался Виллем.

Оба мужчины последовали в бар сохраняя полное молчание, и игнорируя восторженные взгляды всех присутствующих женщин. Когда Виллем стал заметно колебаться, Миколас заверил его:

— Ты ничуть не помешаешь, поверь мне.

Мгновение спустя, Виллем кивнул.

— В таком случае, с превеликой радостью присоединюсь за ужином к вам с миссис Саллис.

Угловой столик был зарезервирован для греческого миллиардера, и с помощью его охраны вместе с охраной Виллема, перед ними образовался живой барьер, который обеспечивал полную приватность, пока они ждали жену Миколаса.

— Кстати, мои поздравления, — пробормотал Виллем, как только официант закончил наполнять их бокалы. — Я узнал из новостей о беременности твоей жены.

— Спасибо, — счастье положения его жены виднелось в искрящихся глазах Саллиса. — Это некое благословение, и мне не стыдно признать, что очень часто по ночам я думаю, а не сон ли это, действительно ли всё на самом деле происходит со мной?

— По всей видимости, брак обратил тебя в романтика, — улыбка Виллема не коснулась его глаз.

Миколас только пожал плечами.

— Не брак, мой друг, а любовь. Это некое клише, но так оно и есть, — его голос звучал самодовольно. — Сам убедишься, когда полюбишь.

— Конечно, — отвел вежливо Виллем.

Миколас улыбнулся.

— Очевидно, что ты не веришь мне сейчас, но... — он сделал паузу устремляя взгляд туда, где находилась их охрана.

Мгновение спустя греческий миллиардер уже встал на ноги и по его выражению лица можно было точно определить, что рядом его жена.

В знак вежливости Виллем также встал, но взгляд ему пришлось отвести, т. к. Миколас припал к губам жены в страстном поцелуе. И только когда услышал, что двое что-то говорят и возвращаются к столику, взглянул на них вновь, и сделал для себя вывод, что в жизни Вельвет Саллис ещё прекраснее, чем на фото в новостях. Высокая, с огненными завитками волос, преподносила свою беременность с величайшим достоинством, на ней было по

истине королевское платье, которое слегка оголяло плечи и изящно спадало до пола.

— Вельвет, любовь моя — это Виллем де Конаи, один из владельцев «Mageia», — улыбка Миколаса становилась тёплой и притягательной, когда он смотрел на жену. — Виллем, моя жена Вельвет.

Вельвет протянула руку с улыбкой.

— Приятно познакомиться с одним из самых обсуждаемых и неуловимых холостяков мира, — произнесла она с чарующей бестактностью. — Неужели вас настолько сложно поймать, как рассказывают дамы в моём книжном клубе?

— Всё ясно, — Виллем с трудом сдерживался от смеха.

Миколас вздохнул.

— Прости мою жену, де Конаи, — пробормотал он, отодвигая стул для Вельвет. — Она стала более эээмм... необычайно откровенной с тех самых пор, как начала носить под сердцем ребёнка.

Как только Вельвет удобно разместилась на своём месте, Миколас и Виллем так же заняли свои места.

Вельвет с нетерпением наклонилась ближе к Виллему.

— А скажите мне, мистер де Конаи. Прада ли это, что вы собираетесь жениться на своей время от времени девушке Шейн?

Миколас поморщился.

— Я уже спрашивал его об этом, моя дорогая.

Виллем потёр подбородок.

— И теперь я понял, что ты интересовался только ради своей жены.

— Виновен по всем пунктам. Ты тема номер один наших разговоров с тех самых пор, как мы прибыли на Тилос, потому что она узнала, что «Mageia» принадлежит клану де Конаи, «Mageia», — и тут он решил сменить тему в надежде, что его жена также больше не станет задавать неуместных вопросов. — Кстати о «Mageia», я слышал, что ваша семья рассматривает возможность сделать акции открытыми?

Но это не сработало.

Прежде, чем голландский миллиардер смог бы ответить, Вельвет задала новый вопрос, ещё более ошеломляющий чем предыдущий.

— А вам не кажется, что младшая сестра — та, которая работала на вас и носила гордое имя Виллем младший, как ваш ассистент — не кажется ли вам, что она более подходящая кандидатура для вас?

Миколас мысленно выругался, когда увидел, как глаза Виллема превращаются в безжизненные глыбы льда. Он хотел сказать жене, чтобы не говорила всё, что приходит ей на ум, но Виллем опередил его ответив напряжённым голосом:

— У нас иные отношения.

Плечи Вельвет тут же поникли.

— Ясно, — её великолепные изумрудные глаза наполнились слезами.

Виллем неуверенно взглянул на греческого миллиардера. На самом деле? Женщина сейчас расплачется из-за него и... чего? Того, что у них ничего не было с Серенити?

Миколас проигнорировал взгляд Виллема, вместо этого принялся успокаивать жену:

— Шшш, дорогая, — совсем не обращая внимание на реакцию других посетителей, он усадил Вельвет себе на колени, и когда она свернулась калачиком в его объятиях, поцеловал макушку её головы. — Я ведь говорил тебе, не так ли? — Его голос был убаюкивающим. —

Не каждый может иметь то, что имеем мы.

— Но я была так уверена, — всхлипывала Вельвет. — Думала, они такая прекрасная пара, но скорее всего ты прав, — последовал ещё один всхлип.

— Не твоя вина, что он желает жениться на ком-то вроде Шейн Роли.

— Твоя правда. Некоторые мужчины так слепы.

Виллем сухо вмешался:

— Если вы двое забыли, я вас прекрасно слышу.

Вельвет взглянула на него взглядом полным жалости, а Миколас с молчаливым предупреждением. «Расстроишь её ещё больше, и будешь иметь дело со мной».

Хоть угрозы греческого миллиардера были ему абсолютно безразличны, Виллем не желал устраивать сейчас разбирательства, а тем более вокруг несуществующей темы.

— Я не собираюсь жениться на Шейн Роли, — наконец сказал он.

Виллем тщетно надеялся, что его слова положат конец данной дискуссии, но его ожидания тут же померкли, когда голова Вельвет дёрнулась, а глаза загорелись интересом.

— Значит, вы собираетесь жениться на младшей сестре?

— Нет, — сейчас Виллем уже был не просто раздражён, а даже рассержен. Конечно же он знал, что в мире полно людей, которых его любовная жизнь куда больше интересует, чем его самого, но он никак не ожидал повстречаться лицом к лицу с кем-то из них, и уж тем более он никак не мог предположить, что это будет никто иной, как Вельвет Саллис.

— Понятно, — она вернулась на своё место, но глаза были полными слёз. Опять.

На этот раз Виллем был менее терпелив, и обратившись к греческому миллиардеру, сказал:

— Думаю, мне лучше уйти.

Он уже поднимался с места, когда услышал голос Вельвет:

— Несчастный мужчина. Он ведь даже не представляет, что теряет.

Слова намеренно или же нет, несли в себе истинную правду. И прежде, чем он понял, что совершает, Виллем плюхнулся обратно на стул и подавшись вперёд уставился на жену греческого миллиардера.

— Ты не имеешь абсолютно никакого понятия о том, что говоришь. И знаешь, что? Вероятно, твой муж чертовски прав. Не все такие счастливики, как вы, — его голос был мягкий и холодный. И каждый, кто его хорошо знал, прекрасно понял бы, что сейчас Виллем пребывает в полнейшей ярости. — Не всем быть таким грёбанным счастливиком, чтобы повстречать человека, предназначенного ему судьбой, и тут же в него влюбиться до беспамятства. И да, я тоже читаю грёбанные газетёнки, и да, чёрт возьми, я прекрасно знаю, что вы с Саллисом познакомились по долбаной переписке.

Он сделал паузу и с шумом втянул воздух.

Перед ним сидела Вельвет с широко распахнутыми глазами и отвисшей челюстью, в то время как Миколас выглядел непроницаемым.

Виллем осознал, что за последние три минуты превратился в злейшего врага их семейства. Но ему было плевать. Он был так зол на Вельвет, что та сыпала соль ему на раны, был зол на Серенити, которая любила его вопреки его запретам, но больше всего — был зол на себя.

Вельвет Саллис посмела задать ему вопрос, который никто не решался задавать, сказала слова, которые никто даже не додумался бы ему сказать, и теперь было невозможно избежать истины.

Правду, которую не знал никто ни Серенити ни Шейн, правда о том, что он сам пытался себя одурачить.

— Я познакомился с этой девушкой, когда ей было всего четырнадцать, — Виллем услышал свой охрипший голос. — Она самый хрупкий человек из всех, кого я знаю. Но в то же время, самый сильный. Мы общались годами, и не было никаких искр между нами. Никакой тебе молнии, поразившей меня прямо в сердце, чтобы я мог с уверенностью сказать, что это любовь.

Он встретил пару удивлённых взглядов.

— Ни тогда, когда мы занимались любовью, — его голос звучал невыразительно. — Ничего такого я не почувствовал. А когда понял, что она действительно любит меня, я знал, что должен уйти. Осознавал, что она возненавидит меня думая, что оставил её потому что не любил, но по крайней мере, она сможет двигаться и продолжать жить дальше, — Виллем сделал ещё один глубокий вдох. Он прекрасно понимал, что сейчас исповедуется практически незнакомым людям. Он не мог позволить себе таких откровений со своими братьями и сёстрами. Ведь для них он должен быть исполином, неприступной крепостью.

Но перед Миколасом и Вельвет Саллис, которые определённо никогда не будут зависеть от его власти, он не мог отрицать нескрываемого желания открыться и рассказать всю правду.

Он должен был излить то, что у него грузом лежало на сердце, только чтобы убедиться, правильно ли он поступил с Серенити.

— Если бы она узнала правду, было бы ещё хуже, — хрипло продолжил он. — Если бы только знала, что я хотел любить её, но не смог, — он судорожно сглотнул. — Она бы никогда не перестала винить себя. Не научилась бы любить себя. А я просто не мог этого вынести, — Виллем медленно опустил голову. — И я ушёл.

Смутно он слышал рыдания жены греческого миллиардера, за что он вовсе не мог её винить. У него и правда была абсолютно никчёмная жизнь в сравнении с той, которой жили они с мужем.

Виллем прикрыл глаза, и боль пронзила его голову, разрываясь изнутри на тысячи мелких осколков, когда он вспомнил последний раз, когда видел Серенити.

Пожалуйста.

Пожалуйста подожди.

Пожалуйста.

Я не понимаю.

Пожалуйста. Просто скажи мне.

Вспомнил как жесток и формален он был, как скорее желал уйти домой, чтобы не видеть страданий своего ангела, ребёнка, который на его глазах вырос в самую прекрасную девушку.

В этом и проблема, мисс Роли.

Не Сири, не ангел, и даже не Серенити.

Вы думали, что я люблю вас.

— Могу я предложить совет, де Конаи?

Виллем силой заставил себя взглянуть в глаза другого миллиардера.

— Если считаешь это нужным.

— Думаю, это просто жизненно необходимо, — мрачно признался Миколас. — Ради твоего же блага.

— Тогда, продолжай, — максимально вежливо отозвался Виллем.

Миколас посмотрел на жену. На мгновение он вспомнил агонию, которую испытывал, когда смертельно её обидел. Вспомнил тот душераздирающий страх, что уже слишком поздно, и он ни за что не сможет вернуть её назад.

Он не пожелал бы подобного даже врагу, и хоть де Конаи и был высокомерен, словно чёрт, но Виллем не был его врагом, и соответственно не заслужил участи гореть в аду.

— Тогда мой совет следующий, де Конаи, — он сделал паузу, прежде чем отчётливо продолжить. — Идиот. Ты полнейший идиот, потому что отвернулся от своей второй половинки.

— Ты что не слышал, что я сказал? — Яростно прошипел Виллем. — Это было совсем не то, что у вас с женой. Это не было похоже ни на что из того, что я видел.

— Ты ничерта не знаешь о любви, не так ли?

Если бы не бархатный голос Вельвет, он бы точно обиделся на сказанное. Но сейчас, он только устало покачал головой.

— Ты американка, и должно быть ничего не слышала о моих родителях. Но в молодости, о них говорили, как об одной из самых романтических пар того времени. Тебе стоит только прочесть о них несколько статей тех лет. Все они будут твердить тебе, что они были невероятно влюблены, — Виллем не заметил, как последние два слова вылетели с презрением, но Вельвет и Миколас заметили, отчего она часто заморгала, а он задумался.

В ответ Вельвет покачала головой.

— Вы правы, я не знаю ваших родителей. И скорее всего, они и правда были влюблены, как вы и говорите. Но также точно, я не знаю вас. Но с уверенностью могу заявить от чистого сердца, что вы совсем ничего не знаете о любви.

Она взглянула на мужа в немой мольбе, а тот был не в силах ей отказать, делая для него невообразимую вещь — давая советы о любви.

— Я прекрасно знаю твоих родителей, де Конаи. И также их репутацию, — он сделал паузу, а затем продолжил. — Тогда и сейчас, — когда челюсть голландского миллиардера напряглась, он понял, что задел за живое, как и рассчитывал.

Взяв жену за руку под столом, он попытался подыскать самые подходящие слова, чтобы объяснить чувства, которые испытывает к ней.

— Наша любовь с Вельвет, словно удар молнией. И основываясь на том, что я знаю о твоих родителях, с ними случилось тоже самое. Но это не единственная существующая форма любви, — ещё крепче сжимая руку жены, он продолжил. — И если тебе интересно, я считаю тебя счастливчиком. Ты повстречал женщину, с которой тебе суждено быть, довольно в раннем возрасте. У тебя было больше лет, чтобы провести вместе с ней, любить её. И да, возможно это случилось не молниеносно, но это не значит, что ты не любил — не любишь её. Это может означать только то, что ваша любовь расцветала постепенно, но от этого ваши чувства не становятся менее мощными, — голос Миколаса стал тихим и полным сожаления, потому что знал, что это может быть самой огромной ошибкой голландского миллиардера. — Это может быть не удар молнии, не брызги шампанского, или безграничное притяжение, по простой причине — то, что имели вы было больше. То, что было между тобой и той девушкой — любовь в самом глубоком и чистом её проявлении.

Виллем в одиночестве брёл по прибрежной линии частного пляжа «Mageia». На горизонте просыпался рассвет яркими перьями разрезая темноту ночи. Он шёл и шёл, не замечая всех красот вокруг себя, не слыша убаюкивающей серенады плещущихся волн.

Он бродил, чтобы избавиться от воспоминаний, которые мощными толчками пытались вырваться из его груди. Но казалось невозможным забыть, Виллем упал на колени, и опустив голову так отчётливо почувствовал хруст рёбер.

Воспоминания вырвались наружу, змеями проникая в его мозг, наполняя его своим ядом, заставляя чувствовать.

Серенити.

Его Сири.

Его ангел.

Он увидел её четырнадцатилетнюю с широко раскрытыми глазами, и такую настороженную при первой их встрече.

Затем он увидел её в школе, когда он в первые он осознал, что с той самой поры, на счастье или на беду, она станет частью его жизни.

«Тогда ли это всё началось?» — Виллем тупо задался вопросом.

Возможно. А быть может и нет. Но единственное, что точно знал Виллем, Миколас Саллис был прав.

Это была любовь, это всё ещё любовь между ним и Серенити.

Любовь в самом глубоком и чистом её проявлении, и теперь, когда он понял насколько глупым и упрямым он был, всё стало так чертовски очевидно.

Только два любящих сердца в силах понять друг друга по одному лишь взгляду, прикосновению, не проронив и слова.

Только влюблённые могут быть так преданы друг другу, чтобы настолько беспрекословно подчиняться каждому слову, как это делала Серенити, или так отчаянно желать защитить её, как это делал Виллем.

Он любил её, а она любила его.

Но он оттолкнул её.

Причинил ей боль.

В своём высокомерии и глупости, он совершал отвратительно жестокие поступки, полагая, что таким образом оберегает её от большей боли.

Как чёрт возьми, он мог так поступить с ней?

Как чёрт возьми, он может заставить её поверить, что всё, что он сказал было неправдой?

Как чёрт возьми, он сможет завоевать её любовь вновь?

Глаза Виллема медленно закрылись.

Звук её рыданий врезался в его сознание.

Пожалуйста. Пожалуйста подожди. Пожалуйста скажи мне.

Он позволил её умолять, ушёл не смотря на то, что она рухнула на пол от боли.

Грудную клетку вновь сдавило, и казалось, будто рёбра вот-вот затрещат вновь.

Мне жаль, Серенити.

Мне жаль, моя любовь.

Как мне жаль.

ЧАСТЬ 3

Восемь месяцев спустя после событий второй книги.

Рутиня вновь пришла на помощь Серенити. Как студент первого курса нового отделения Университета Кристопулоса, она быстро привыкла к шаблонности своих дней, и была совсем не против этого. С утра до обеда у неё проходили занятия, а затем, она спешила на свою работу, где проводила остаток дня. Выходные она проводила дома, или же с подругой Уиллоу, которая сейчас была замужем за греческим миллиардером Ставросом Манолисом.

У неё был очень организованный образ жизни, и ей это очень нравилось.

Всё бы ничего, если бы Антон не заставлял её испытывать неловкость своим навязчивым вниманием.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Антон был участником того же книжного клуба, который посещала и Серенити, и с самого её первого занятия, пытался сблизиться с ней. У него был средний рост, и не менее посредственная внешность. По правде говоря, он не выделялся абсолютно ничем, и поэтому Серенити решила, что ей с ним довольно комфортно. Он был самым заурядным, что было абсолютной противоположностью Голландского миллиардера, что помогало ей в нелёгком деле забыть его, в чём она пока ничуть не преуспела. Серенити была благодарна ему, когда он предложил свою дружбу, и плечо для поддержки. Будучи до трогательности невинной и не имея достаточного опыта в общении с мужчинами, она слишком поздно осознала, что предложенная парнем дружба, в конечном итоге приведёт ни к чему иному, как к его желанию завести с ней более интимные отношения.

— Ты не против, если я проведу тебя до общежития? — Спросил Антон, когда президент клуба окончил встречу, и народ начал покидать зал. Он напрягся всем телом, в ожидании отказа, но когда Серенити буквально на долю секунды усомнилась, он тут же воспрял духом, значит ещё есть надежда, что великолепная Серенити Роли скажет ему «да».

— Только проведу, — настаивал он, преграждая ей путь. Он понимал, что поступает нечестно. С самого начала, невинность Серенити была очевидной и неоспоримой, он разузнал, что она училась в школе-гимназии исключительно для девочек. Он понимал, что стоит дать ей больше пространства, но попросту не мог. Антон точно знал, что как только отступит, другой парень — однозначно более крутой, чем он — тут же перехватит её. Ни за что на свете, чёрт подери, он не мог этого допустить.

Серенити неуверенно покусывала губу.

— Только проведёшь?

Он с небывалым рвением кивнул.

— Всего лишь прогулка, — он мысленно скрестил пальцы. — Клянусь, — как и Серенити, он был чистокровным американцем, чему был несказанно рад, потому что знал, это одна из причин, по которой Серенити так комфортно рядом с ним.

— Ну хорошо, — наконец ответила она.

Антон мысленно взмыл вверх победный кулак — «Да!»

Когда они шли рядом, Антон заметил враждебные и ревностные взгляды всех парней, и еле сдержался, чтобы не растянуться в самодовольной улыбке. «Сдохните все от зависти», — ехидно думал он. Никто из них не знал Серенити так, как он, и Антон собирался приложить все усилия, чтобы так всё и осталось.

Намеренно замедляя шаг, чтобы выиграть побольше времени рядом с Серенити, он стал рассказывать ей забавные истории о своей семье. Впервые встретив её, он постарался впечатлить девушку богатством и социальным статусом своей семьи, и это оказалось

огромной ошибкой. Он заметил, как она стала более учтива, но тут же отстранилась, и при следующей встрече, Антон в отчаянии решил поменять тактику, взболтнув первое, что пришло на ум.

— *Когда я нервничаю, начинаю выпускать газы. Это знает только моя семья, и вот теперь ты.*

Как только слова слетели с его уст, Антон пришёл в полный ужас и оцепенение и почувствовал себя таким ничтожеством. Он ждал, что Серенити расскажет это всему классу, и он бы не стал её винить в этом.

Но она не стала.

Вместо этого она пропела своим сладким, нежным голоском:

— Похоже, у вас в семье очень тёплые отношения, — но в её словах было столько тоски, что он решил, если рассказывать ей истории о своей семье, она останется с ним навсегда. Это было словно «Шехерезада и султан», только на этот раз он был рассказчиком, которому нужно было развлекать королеву.

Даже сейчас Серенити казалась не уставшей от обыденных рассказов о его семье. На протяжении всей прогулки, Антон не забывал держать дистанцию, так как заметил, что Серенити не любит, когда её касаются представители мужского пола. Когда он сделала это наблюдение, пришёл к выводу, что это потому, что она невинна. Да и в конце концов, раньше она была помощником Виллема де Конаи, и её, видимо повсюду сопровождала охрана миллиардера, как младшую сестру его невесты Шейн.

«А что, если сюда приедет Голландский миллиардер, и Серенити передаст ему всю болтовню о его семье?» — Думал Антон. — *«Что, если миллиардер не одобрит его? Что же тогда делать?»*

Антон мысленно покачал головой. «Неа». Даже, если Голландский миллиардер приедет, он не сможет не в чём его обвинить. Он не был замечен в каких-то злодеяниях в Греции, да и славы плейбоя тоже не возымел. И даже, если Виллем де Конаи пожелает, чтобы Антон теперь женился на Серенити, он будет более, чем польщён, и с радостью выполнит его желание.

Он взглянул на Серенити.

Она взглянула на него в ответ, её глаза были всё так же спокойны, с налётом грусти, таившейся в глубине её небесно-голубых глаз.

Однажды, Антон пообещал себе, что узнает тайны, скрывааемые этой непреклонной маской. Однажды, отважится её поцеловать. Его пульс участился от одной только мысли об этом. Однажды, наступит день, когда он разделет её...

Её брови поползли вверх.

— Антон, — её голос звучал удивлённо.

Он постарался взять себя в руки.

— Извини, — пробормотал он, прочищая горло, и отчаянно желая, чтобы эрекцию так же просто можно было убрать. — Просто задумался о... — он вовремя себя остановил, — ничего важного.

— И что же это такое неважное? — Голос Серенити был полон любопытства.

Он оттянул свой воротник.

— Ну... — Антон не привык лгать. Он увидел, как она нахмурилась и озадачено уставилась на него. Её взгляд скользнул ниже по его телу, и он запаниковал. Не желая, чтобы Серенити заметила отчётливую выпуклость в его джинсах. Он выкрикнул, указывая куда-то,

лишь бы только её отвлечь:

— Смотри!

Но как только, он сам взглянул туда, куда указывал его палец, он осознал, что там было нечто, действительно заслуживающее их внимания.

Чёрный сияющий лимузин, припаркованный возле общежития Серенити.

— Что там? — Услышал он голос Серенити, когда она взглядом проследовала туда, куда он указал.

Шофёр шагнул к пассажирской двери, чтобы открыть её.

Серенити побледнела от вида лимузина, и мужчины, который с кошачьей грацией появился из него.

Виллем.

Прежде, чем она осознала, что творит, Серенити схватила руку Антона и крепко сжала её, желая напомнить себе, что она *не* одинока.

Антон подпрыгнул от столь неожиданного жеста, но был достаточно умён, чтобы не отдёргнуть руку. Вместо этого, он крепче сжал её, воспрянув духом, и гордо расправив плечи понимая, что Серенити рада его действиям.

Он повернулся взглянуть на Голландского миллиардера...

Виллем де Конаи стоял прямо перед ним, одетый в однозначно сшитый на заказ костюм, который великолепно подчёркивал ширину его плеч и высоту его подтянутого тела. Он был таким чертовски высоким, что Антону пришлось поднять голову, дабы встретить его взгляд.

Холодные глаза старшего мужчины просканировали его с головы до пят.

Былую самоуверенность Антона, словно смыло волной, и он услышал свой мямлящий голос:

— Добрый день, мистер де Конаи.

— Боюсь, не имею удовольствия знать твоё имя, — Антону показалось, что он пребывает в некой сумеречной зоне, когда услышал голос миллиардера. У него был сильный акцент, но голос звучал так мелодично, отчасти напоминая манеру, с которой произносила слова Серенити. Это было, словно слушать, как говорят близнецы, хотя они явно не были таковыми.

— Антон Флорос, сэра, — и не имея смелости игнорировать руку, предложенную старшим мужчиной, ему пришлось отпустить Серенити и ответить на рукопожатие. Сделав это, он хотел вернуться опять к Серенити. Но её руки уже были сжаты в кулаки и плотно прижаты по бокам, и он даже практически осмелился всё же обнять её, но тут услышал голос:

— Должно быть, вы уже собирались уйти? — Учтиво поинтересовался миллиардер.

Антон моргнул.

— Это не так, — но миллиардер так сверлил его взглядом, что Антон тут же осознал, даже, если Серенити не заметила его эрекцию, то старший мужчина, однозначно этого не упустил. И сейчас, Виллем де Конаи давал ему путь для отступления, прежде, чем он раскроет его тайну.

— Хотя, если хорошо подумать, то мне действительно пора, — Антон не смог посмотреть в глаза Серенити. — Увидимся позже, Серенити, — тут же быстро развернулся и зашагал прочь, моля Бога, что миллиардер действительно оказался исключительным джентльменом.

Серенити и Виллем остались наедине лицом к лицу.

Было мучительно больно взглянуть на него, но Серенити решила, что покажет себя слабой, если этого не сделает. Он был всё также невероятно красив, быть может, даже лучше, чем она помнила его. Но он также, как и она похудел, что делало его облик ещё более гибким и аристократичным.

Виллему было сложно скрывать свою реакцию, когда рассматривал лицо Серенити. Он так соскучился по ней. Он дважды отпускал её, но теперь, когда она стояла прямо перед ним, тоска и боль сжали его сердце.

Ему безумно хотелось притянуть её в свои объятия, расцеловать каждый миллиметр её тела, пока он будет вымалывать её прощения. Только его невероятная выдержка помогла ему не сделать этого, а холодный вид Серенити только доказал, что поведение неандертальца сейчас только ещё больше оттолкнёт её.

Наконец, он решил первым нарушить молчание, просто сказав:

— Я бы хотел поговорить с тобой наедине.

Она повела его в кафе неподалёку, которое было заполнено студентами. Все взгляды устремились к ним, как только они вошли в помещение, а девушки открыто глазели и вздыхали, когда Серенити и Виллем прошли мимо.

— Этот подойдёт? — Поинтересовалась она, указывая на столик у дальней стены кафе.

— Без разницы, — когда они устроились на местах, она поняла, почему он так сказал. Его охрана проследовала за ними, и встала живой стеной, закрывая своего босса.

— Ты в порядке?

Почему его это интересует? Именно это она хотела ответить, но сдержала горечь своей боли. Не его вина, что он не любит её, не его вина, что не видит в ней тех качеств, которые нужны его жене.

Наконец она ответила:

— Жизнь продолжается.

— Я вижу, — его кулаки до боли сжались под столом. *«Жизнь продолжается»* ... Он не имел понятия, какой смысл она вложила в эти слова. Теперь он знал, что любит Серенити так, как ни один из мужчин никогда не сможет любить, но также он знал, что эта эмоция была такой мощной, что он может вновь принести ей такую боль, как никто другой.

— Мне нужно что-то тебе сказать.

Она тут же подумала о Шейн. Сейчас он скажет ей, что решил жениться на Шейн, от одной мысли о чём, она практически утратила сознание. Хоть Серенити и покинула дом уже, как два месяца, сестра не переставала измываться над ней. Шейн оставляла голосовые сообщения ей на почте, и как больной наркоман, Серенити не могла прекратить слушать каждое из них.

У нас с Виллемом было свидание в Цюрихе. Мы летели его личным самолётом, и он всю дорогу трахал меня в его шикарном салоне. А у тебя было такое с миллиардером? Думаю, нет. Я бы хотела, чтобы у тебя такое было, но знаешь, что? У тебя никогда не будет такой возможности.

Мы с Виллемом часами говорим по телефону, и каждый раз я жду, что он спросит о тебе. Но нет. Кажется, будто вовсе забыл о твоём существовании.

Виллем летит в Грецию, и я уговаривала его встретиться с тобой. Я сказала ему, что

ты повзрослела, и уже не будешь такой прилипалой. Голос Шейн стал тише и злобнее, когда она продолжила свой монолог. *Я сказала, что не против, если он вновь позабавится с тобой. Сказала, что ему не составит труда вернуть твоё расположение, ведь ты дешёвая, безотказная шлюха, которая решила, что отдать мужчине свою невинность — значит привязать его к себе.*

Она полагала, что последние два сообщения Шейн оставила для неё только, чтобы позлить. Но видимо, всё же нет. Потому что, Виллем и правда сидел сейчас перед ней, и пожирал своими голодными глазами, что заставило Серенити сделать два вывода, от которых её мгновенно затошнило.

Первое: он не имеет не малейшего понятия, что Серенити в курсе того, что сама же Шейн уговорила его встретиться с ней, в надежде, что она будет вести себя, как легкодоступная кукла для развлечений.

Второе: осознание этого никак не влияло на её чувства к нему.

Она всё ещё отчаянно любит Виллема де Конаи, и понимание этого разрывало её изнутри.

— Ты меня слышала, Сири?

Она практически вздрогнула, когда он использовал её сокращённое имя. Раньше, оно заставляло её чувствовать себя особенной. Но теперь, она с горечью осознала, что это просто «стиль» миллиардера, как заставить свою каждую любовницу чувствовать себя особенной.

— Я слышала тебя, — удалось выдать ей, всё ещё избегая его взгляда. Она продолжила с тем же отстранённым тоном. — И слушаю.

«Что-то не так», — подумал Виллем. В манере её разговора, в том, как она до сих пор боится взглянуть в его глаза. В конце раздумий, он обозвал себя глупцом. Ну конечно же что-то не так. Всё было не так, с тех самых пор, как он позволил своему прошлому влиять на его чувства к ней. И если бы не пара, практически незнакомцев, открывших ему глаза на правду о любви, он так бы и пребывал в неведении.

Затаив дыхание, он произнёс:

— Я ушёл от тебя, потому что действительно думал, что не люблю.

Ах. Губы Сири искривились от ненависти к себе.

— Вы не говорите ничего такого, чего я уже не знаю, мистер де Конаи.

Он вздрогнул от того, как она назвала его, но он это заслужил.

— Но то, что ты видела, было не правдой. Шейн не...

— Прекрати, — она не желала слышать его ложь, не хотела, чтобы он подтверждал каждое, сказанное Шейн слово. — Больше не желаю ничего слышать об этом, — она заставила себя взглянуть в его глаза, и ей захотелось рыдать и кричать от агонии, во взгляде Виллема.

Лжец!

Лжец!

Лжец!

Как он может так искусно притворяться, что ему так же больно, как и ей?

— Это ошибка, — сквозь зубы процедила она.

Виллем понял, что Серенити собирается уйти, и резко сказал:

— Стой! — Он схватил её за руку, пальцы крепко сжали её запястье, не давая сдвинуться с места.

Его прикосновение зажгло её. Казалось, что каждая частичка её тела тянулась сейчас к

тому месту, где он коснулся неё, желая согреться теплом, которое он излучал. Она дышала, жила, горела ради его прикосновения, и это было так чертовски никчёмно.

Шейн была права.

Она ничтожество.

И ничего не может с этим поделать.

Она желала, чтобы это прекратилось, но не могла. Она любила Виллема де Конаи пять лет. Любила его с четырнадцати лет, и хоть он и вырвал её сердце и растоптал предательством, этого оказалось мало, чтобы уничтожить её чувства к нему.

— Пожалуйста, — голос миллиардера был так же напряжен, как и её, и слышать его мольбу, как она делала тоже самое не так давно, сводило её с ума.

Она безвольно опустила назад в кресло.

— Отпусти меня, — прошептала она.

Медленно, нехотя, пальцы Виллема ослабили хватку, и боль пронзила его грудь от вида, как Серенити тут же отдернула руку от его прикосновения.

Когда-то... когда-то она слепо доверяла ему.

«Но это было тогда», тупо подумал он, и это была только его вина, что она больше не смотрит на него с прежним восхищением.

— Больше никогда не хочу вспоминать прошлое.

Он медленно кивнул.

Она шумно сглотнула.

— А теперь, хочу знать правду, почему ты здесь?

Он тихо ответил:

— Потому что я осознал, но видимо слишком поздно, что всегда любил тебя.

Уже несколько часов Серенити лежала без сна.

Чтобы она не делала, не могла забыть случившегося, не могла перестать проигрывать одну и ту же сцену.

— Ты любишь меня, — её голос дрожал.

Миллиардер не мог отвести взгляда от её лица.

— Да, люблю.

— С самого начала? — Её голос сорвался.

— С самого начала, — его голос был непоколебим, лицо стало серьёзным, и Серенити захотелось плакать. Ей хотелось смеяться и кричать. О, Боже, она желала быть сумасшедшей. Потому что тогда, быть может, это не было бы так больно.

— Ты вообще понимаешь, что говоришь? — Потребовала она. — После того, какую боль причинил, что заставил меня пережить, ты имеешь смелость являться сюда, и заявлять, что всегда любил меня?

— Да, — всё тот же непреклонный тон, хотя его лицо и побледнело от слов Серенити.

— И ждёшь, что я вот так просто тебе поверю?

— Я готов сделать всё, чтобы доказать тебе, что это так.

Она покачала головой.

— В этом нет надобности, я могу сейчас же дать тебе ответ, — она поднялась с места, он повторил её движение. — Спасибо, что уделили ваше время, мистер де Конаи, но

боюсь, что это была наша последняя встреча.

Боль разочарования отразилась на его лице, но так быстро исчезла, что Серенити решила, что ей всё привиделось. «Показалось. Показалось». Твердила она себе.

— Я не люблю его, — прошептала она себе, хотя эти слова звучали, как полная ложь, которой они и являлись. Горло сдавило, а она всё пыталась сквозь слёзы повторять. — Я не люблю его. Я не. Я не.

Но всё равно, звучало, как полная ложь.

Она вспомнила времена, когда между ними всё было так замечательно. Когда Виллем подарил ей первую пару туфель, сделанных специально на заказ, когда держал её в своих руках.

Но за этими моментами из памяти всплыли те, которые ранили, которые как саднящие раны никак не хотели затягиваться. Она вспомнила холод его губ, когда она впервые отважилась его поцеловать, вспомнила то, как умоляла его, как бежала за ним, не смотря на боль в ноге.

Слёзы медленно катились по её щекам.

И как только она начала плакать, уже не было шанса остановиться.

Миллиардер сказал, что любит её.

Но чтобы он не говорил, она знала, что это не может быть правдой.

Истинная любовь не знает предательства. Истинная любовь не знает лжи. Истинная любовь не причиняет боли.

И в своей невинности и нехватке опыта, Серенити верила, что так оно и есть. Она так свято в это поверила, что её слёзы высохли, обращаясь в желание мести. Она заставит миллиардера заплатить за содеянное. Она оплатит ему той же монетой.

— Привет, — сказала Уиллов Сомерсем — Манолис сонно поприветствовала подругу, которая неловко переминалась с ноги на ногу. Она была голубоглазой брюнеткой, миниатюрной с аппетитными формами, и по предписанию врача соблюдала постельный режим.

— Привет, — голос Серенити был тихим, и, не сдвигаясь с места она продолжила, — просто хотела сказать, что уже приехала.

Уиллов закатила глаза.

— Хватит быть такой формальной, и заходи уже скорее, — она заняла сидячее положение, и пока Серенити входила, Уиллоу отметила печаль на лице подруги. И ей это совсем не понравилось.

Серенити неподвижно сидела на краешке кровати, боясь своими движениями причинить неудобства беременной подруге. Когда их взгляды встретились, она тут же выпалила:

— Ты становишься всё больше с каждой нашей встречей.

Уиллов изобразила гримасу.

— И почему ты должна быть бестактной только со мной?

Серенити залилась румянцем.

— Прости, просто... — Она покачала головой. — Но ты действительно огромная.

Уиллов не могла удержаться от улыбки над обеспокоенным тоном Серенити.

— Успокойся. Сколько раз тебе повторять? Это нормально для того, кто носит двойню, тем более, учитывая, что Ставрос совсем не маленький.

Серенити поморщила нос при упоминании имени греческого миллиардера.

— Я всё равно считаю, что он слишком рано обременил тебя беременностью. Это всё ради того, чтобы привязать тебя к себе, чтобы, когда ты одумаешься, и поймёшь, что он тебе не подходит, было слишком поздно и ты не сможешь покинуть его, — даже сейчас, спустя время, Серенити не могла забыть всё то, что пришлось пережить подруге во имя любви. По её мнению, Ставрос Манолис всегда не заслуживал её подругу, и Серенити не собиралась скрывать это от миллиардера.

Как и сейчас.

Серенити услышала, как открывается дверь и, обернувшись, увидела Ставроса, который так же скривился при виде неё.

— Вижу, львёнок уже прибыл, защищать тебя, — пробормотал Ставрос, входя в комнату. Она уже рассказала о моём последнем проступке, не так ли?

— Как ты мог? — Выдохнула Серенити.

Уиллоу покачала головой от умиления.

— Ставрос, когда ты перестанешь её подтрунивать? Она не...

Остальная часть её реплики потерялась в поцелуе, с которым Манолис опустил на её губы.

Когда он оторвался, Серенити залилась густой краской так же, как и его жена.

— Ненавижу тебя, — проворчала Уиллоу. — Знаешь ли, тебе бы не помешало быть немного консервативнее, — но её фиалковые глаза были полны любви и желания, когда она смотрела на Ставроса.

— Это всего лишь поцелуй мужа и жены, — с притворной невинностью произнёс он, присаживаясь на стул около её кровати. — Даже, если я и провинился.

Серенити скорчила рожицу.

— Ха. Ха. Ха, — но она всё равно сдерживала себя не реагировать на шутки греческого миллиардера.

Закинув ногу на ногу, он взял руку жены, и обратился к Серенити:

— Внизу тебя ждёт посетитель мужского пола.

Голова Уиллоу дёрнулась в сторону подруги.

— Одногоруппник?

Сердце Серенити бешено загрохотало. «Этого не может быть... Определённо, это не мог быть...»

Одарив девушку многозначительным взглядом, Ставрос ответил жене:

— Это Виллем.

Серенити побледнела. Это был *он*.

Уиллоу подскочила на месте, и завизжала от радости.

— Я же говорила, что он примчится за тобой, и будет молить о прощении, — но к её удивлению, Серенити яростно начала качать головой.

— Всё совсем не т-так, — она прикусила губу, борясь с чувством возмездия, от одного упоминания его имени. Серенити сжимала и разжимала пальцы, пока не уловила взгляд Уиллов на себе. Она сбивчиво продолжила. — Я р-рассказала т-тебе не всю историю, — тяжело вздохнув, она продолжила. — Мы с ним не просто поссорились из-за Ш-Шейн. Он заставил меня думать, что мы в-вместе. Но однажды ночью, я увидела его... — мысли стали

колотить её голову, словно боксёрскую грушу, поэтому Серенити сделала успокоительный вдох. — Уиллоу, я видела, как он выходил из комнаты моей сестры.

Уиллов сдерживала слёзы, а Ставрос сильнее сжал её руку, словно передавая часть своей силы. Она пережила нечто схожее с тем, что описала Серенити в их истории со Ставросом. Но даже, когда она слышала, как человек, которого она любила, трахал другую в соседней комнате, она знала это только потому, что думал, что она предала его.

Но с Серенити и её Голландским миллиардером всё было по-другому.

— Серенити, мне жаль, — беспомощно прошептала она.

Серенити быстро утёрла глаза.

— Всё в порядке. На самом деле, он никогда не говорил мне, — её голос сорвался, — никогда не говорил, что любит меня, — она проглотила рыдания. — Но... заставил поверить, что я единственная. Знал, что я считаю с-себя особенной, к-когда это было... *не так*.

Как только дверь в гостиную открылась, Виллем тут же встал. Но вместо Серенити в комнату вошёл сам владелец дома, который пришёл лично встретиться с ним, чему Виллем совсем не удивился.

— Виллем.

— Ставрос.

Их рукопожатие было кратким, а глаза греческого миллиардера излучали холод.

— Не предполагал, что наша очередная встреча состоится при таких обстоятельствах, — тон Ставроса был мрачным.

«*Он знает*». Виллем не был уверен, как много Ставросу известно о них с Серенити, но он прекрасно понимал, что друг достаточно осведомлён, чтобы принимать его с недоверием и осуждением.

— Я был глупцом, — откровенно признался Виллем.

Ставрос ничего не отвечал. Вместо этого, он пристально смотрел на друга, и Виллем открыто встретил его взгляд, ничего не тая. Ставрос шумно вздохнул. Боль и сожаление — вот что он видел во взгляде Виллема, но всё равно не мог забыть признание Серенити.

— Как ты мог так поступить с ней? — Потребовал он на одном дыхании. — Ей ведь всего девятнадцать, Боже ты мой.

Жевалки заиграли на лице Виллема.

— И сам прекрасно знаю. По-твоему, я это мог забыть? Думаешь, не думал о том, что лучше бы мне оставить её, исчезнуть без следа из её жизни...

— Тогда почему не исчез? — Обвинил Ставрос.

— Потому что, я задолжал ей, — выплюнул Виллем. И в эту самую минуту, даже не закрывая глаз, он увидел её на полу, умоляющую его.

Пожалуйста.

Пожалуйста, подожди.

Пожалуйста.

Воспоминания разрывали его сердце, но мысль о том, что впоследствии Серенити страдала ещё больше, заставила его вернуться в реальность.

— Она заслужила, чтобы я ползал перед ней на коленях, — напряжённо заявил он. — Даже если ничего из этого не выйдет, я задолжал ей это.

Ставрос медленно покачал головой. Он никогда прежде не видел своего друга таким подавленным, но так же, он никогда не видел Серенити Роли настолько надломленной. Наконец, он ответил:

— Она спустится к тебе, но меня попросили выступить в роли дуэньи.

Губы Виллема скривились в ухмылке.

— Предполагаю, идея твоей жены?

— Она так же выступает в роли защитницы, как и твой бывший интерн поступала в прошлом с ней.

Виллем склонил голову.

— Вполне объяснимо. Я заметил, что у них исключительно плохой вкус в мужчинах.

Ставрос улыбнулся.

— Не могу не согласиться, — пусть сейчас Ставрос и Уиллоу были счастливо женаты, но он не позволял себе забыть через какую боль и мучения заставил пройти собственную жену, из-за своего упрямства и безрассудства.

Прежде, чем кто-то из них ещё успел что-то сказать, они услышали звук открывающейся двери, и Ставрос напряженно пробормотал сквозь зубы:

— Не смей больше причинять ей боль, иначе будешь иметь дело лично со мной, — а затем, он направился на встречу Серенити.

Он сразу заметил, что её глаза слегка припухли, кончик носа покраснел, а лицо побледнело, и Ставрос знал, что она проплакала всё это время, пока переодевалась в комнате для гостей, которую отвели ей в пользование.

— Я буду прямо за дверью, — мягко произнёс он ей.

Она с беспокойством переминалась с ноги на ногу.

— Ты не должен...

Он постарался смягчить ситуацию.

— Боюсь, что у моей жены другие требования. И чтобы она сейчас не попросила, я выполню это для неё, а ты ведь слышала, как она приказала не оставлять тебя одну, — он кивнул в сторону коридора. — Понимаю, что вам нужно уединиться, поэтому буду за дверью, сделаю несколько важных звонков, — в его голосе были слышны нотки сожаления.

— Уиллоу сказала оставить дверь открытой? — Догадалась она.

— Боюсь, что да, — Ставрос взглянул на Виллема. — Тогда я вас оставляю.

Она уставилась на удаляющуюся фигуру Ставроса, отчасти ей хотелось последовать за ним. Ей следовало уйти, притвориться, что Виллем даже не приходил, и всё будет кончено. Это было то, как ей следовало поступить...но она не могла.

— Серенити?

Голос Виллема звучал тихо, даже робко, отчего сердце Серенити пропустило удар, она не привыкла слышать его таким. «*Это всего лишь игра*», — отчаянно напомнила она себе. Он занимался любовью с двумя сестрами в одну ночь. Ни один мужчина, который может пойти на такое, не способен любить.

Сделав глубокий вдох, она медленно повернулась, чтобы встретить взгляд Виллема...

В одной руке он держал цветы.

Цветы.

Никогда прежде он не дарил ей цветы.

Он неоднократно присылал ей многочисленные подарки на каждый праздник, в течение долгих лет их знакомства, но никогда не дарил цветы.

До сегодняшнего дня.

«Игра, это всего лишь игра, всего лишь игра», — вторила она себе, хоть сердце и пыталось вырваться из груди, а слёзы сдавливали горло, чем дольше она смотрела на него.

Он шёл к ней, медленно. Казалось, будто давая ей возможность сбежать от него, вот на этот раз она действительно заплакала. Слёзы быстрым и яростным потоком хлынули из глаз, и она больше была не в силах их удержать.

Когда Виллем наконец-то подошёл к ней, плечи Серенити содрогались от рыданий, и она была слишком слабой, чтобы сопротивляться его рукам, которые притянули её в свои объятия.

Уткнувшись в его грудь, она зарыдала пуще прежнего.

Она оплакивала то, что её сердце всё ещё бьётся для него одного, что оно не желает верить тому, что это всё просто игра.

Это всего лишь игра.

Но затем Виллем прошептал срывающимся голосом.

— Мне так чертовски жаль, *ангел*.

Серенити вздрогнула.

Такое нежное слово, благодаря которому она чувствовала себя особенной, но теперь, оно заставляло её чувствовать себя глупой, дешёвой шлюхой, как и говорила Шейн.

Ангел.

Это был только их секрет, который Виллем осквернил, рассказав Шейн.

Как вообще она может ему верить после того, как он предал её?

— Пожалуйста, дай мне шанс всё исправить.

Серенити сделала глубокий вдох.

Всего одно слово, и она сможет положить конец безграничной скорби. Всего одно слово, и она забудет его и будет двигаться дальше. Одно слово, которое решит все проблемы...

— Хорошо, — она услышала свой шёпот.

Всего одно слово, и нет пути назад.

Её молодость, неопытность и разрушительная боль, которую она так долго носила в себе, приняли решение за неё.

Она заставит его ползать на коленях, уничтожит его, так же как он украл и растоптал её сердце.

На следующий день он пришёл к ней на работу. Виллем прислал ей сообщение с вопросом, что она делает в офисе Ахерона Симониду вместо того, чтобы быть на занятиях, но она предпочла не отвечать.

Ровно в час дня, секретарь сообщила, что её в приёмной ожидает посетитель, и Серенити попросила передать ему, чтобы прошёл в зону для ожидания. Ей было весьма любопытно, станет ли Виллем идти туда. Как бы там ни было, такие люди, как де Конаи не привыкли ждать.

Но прошло менее минуты, как её телефон оповестил о новом сообщении от Виллема...

Не торопись. Я не буду рушить твоё расписание.

Серенити поспешно удалила сообщение. «Всего лишь игра», — повторила она себе.

«Это всего лишь игра». Он всё ещё держала в руках свой iPhone, когда из кабинета вышел её босс. Высокий, брюнет с богоподобной фигурой и знойным взглядом — Ахерон Симониду был легендой среди своих сверстников, который проложил свой путь на вершину бизнеса благодаря трудолюбию, гениальности и беспощадности.

Скандалы всегда следовали рука об руку с его именем, слухи, изобилующие его связями с преступным миром Греции. Хотя он был богат и влиятелен, греческое высшее общество старалось сторониться его. И только с момента, когда его объявили законным наследником империи Кокинос, Ахерон стал вхож в их круги, но это была привилегия, которой он не желал и к которой был абсолютно безразличен.

Ахерон остановился у стола Серенити, поражённый воинственным выражением лица своей помощницы, вместо обычного спокойствия. Она была изысканно красивой девушкой с шикарными белокурыми волосами, что от части, и стало причиной, по которой он её нанял. Образ его жизни сводился к окружению себя самыми прекрасными вещами, и Серенити изначально идеально вписывалась в такой расклад.

Но уже месяц спустя, Ахерон с удивлением заметил, что за прекрасным личиком скрывается не менее замечательный ум. Так же, его забавляла смесь застенчивости и отстранённости Серенити, в равной мере, как и её тяга к перфекционизму, несмотря на невинность и абсолютно детские реакции на самые простые вещи.

Ангел и обольстительница в одном восхитительном флаконе, сделал для себя вывод Ахерон. Это был лучший способ, чтобы описать его помощницу, и если он будет делать всё правильно, то уже к концу года она станет его любовницей.

Всё что ему было нужно, сохранять терпение и делать всё не спеша, как он и привык по жизни.

Прочистив горло, он спросил:

— Всё в порядке, мисс Роли? — Другого мужчину могла оскорбить незаинтересованность Серенити, но только не Ахерона, которого такое поведение девушки, только разжигало ещё больше.

Поражённая голосом своего греческого босса, который намеренно растягивал слова, Серенити тут же натянула деловую маску, и поспешно ответила:

— Ничего, сэр.

Он следил за тем, как она собирала свои вещи в сумку, и даже в спешке делала это весьма организованно, что немало забавляло его.

Когда она, наконец, закончила, он вежливо поинтересовался:

— Идём тогда?

— После вас, сэр, — Серенити последовала за Ахероном к лифту. Она должна была посетить встречу вместе с ним, Ахерон хотел показать ей, как в Греции ведут бизнес.

Когда дверь лифта захлопнулась, он поинтересовался будничным тоном.

— Полагаю, внизу тебя ждёт бывший парень? — Серенити тут же залилась румянцем, и Ахерону стало любопытно, всё ли её тело приняло такой же милый оттенок.

— Да, меня ожидает посетитель, — голос его помощницы звучал неестественно. — Но он не мой бывший парень. Он время от времени встречался с моей старшей сестрой.

— Ах. Моделью, полагаю?

— Да, — она с подозрением взглянула на него. — Кажется, вы слишком хорошо осведомлены о моей жизни, сэр.

— Так и есть, — откровенно признался он. — На самом деле, Ставрос мне всё о тебе

рассказал.

Серенити поморщила носик.

— Это всё объясняет.

Ахерон предпочёл сделать вид, что не услышал того, что его помощница пробормотала себе под нос, хотя ему и было любопытно, как много она поняла. Когда Ставрос направил ему резюме Серенити, далее последовало дружеское предупреждение.

Эта девушка — «запретная зона». У неё разбито сердце, и она слишком хороша для тебя. Я бы мог предложить ей работать у меня, но боюсь, что за первую же неделю мы доведём друг друга до безумия. Думаю, у вас получится сработаться лучше.

А когда Ахерон увидел приложенное фото Серенити, он не смог с ним не согласиться.

Этой девушке куда лучше будет с ним.

Он возможно и не любил её, но стал бы лелеять до тех пор, пока она сама того будет желать, и ни за что не станет разбивать её сердце ложными надеждами.

Когда дверь лифта открылась, к своему удивлению Серенити обнаружила, что рука Ахерона крепко обняла её за талию. Она уставилась на него, но чувствовала себя более ошеломлённой, чем оскорблённой.

— Сэр?

— Подыграй мне, — прошептал он ей на ухо. — Манолис рассказал мне, как Голландский миллиардер разбил твоё сердце, и думаю, он заслужил думать, что его ожидает небольшое соперничество, а?

Он вздёрнул бровь, рука всё также покоилась на её талии.

«Всего одно слово, — думала она, — и всё будет кончено».

Всего одно слово, и она станет на шаг ближе к своему возмездию.

И она прошептала:

— Хорошо.

Блеск одобрения озарил взгляд чёрных глаз Ахерона.

— Вот это моя девочка.

Она вздрогнула от собственнического тона его голоса, но не смогла возразить, чтобы не называл её так. *«И это тоже была часть игры»*, — сказала она себе. Всего лишь игра.

Они двинулись вперёд, рука Ахерона всё также лежала на талии Серенити, пока он тихо, практически интимного говорил ей на ухо. Краем глаза она заметила, как Виллем де Конаи поднялся на ноги при виде её, но она не взглянула в его сторону.

Она чувствовала пристальный взгляд миллиардера на себе, и когда они поравнялись с ним и двинулись мимо, все присутствующие повернулись в их сторону, и она готова была поклясться, что тут же поползли слухи.

Это был Голландский миллиардер Виллем де Конаи?

Внук королевы Контины?

А он разве не встречается с голландской моделью?

С Ахероном Симониду была сестра той модели, которую в своё время называли Виллем младший?

Голландский миллиардер приехал, чтобы увидеть её?

И вот, они уже стояли возле Голландского миллиардера. Ей нужно было просто повернуть голову в его сторону. Стоило только взглянуть ему в глаза, и он сразу бы разгадал, что она просто выполняет свою работу, не смешивая её с личной жизнью.

Но в тот самый момент, Ахерон решил прошептать ей на ухо:

— Это твой выбор, *радость моя*.

Серенити закрыла глаза.

Её выбор.

Как и его выбор был уйти от неё.

Открыв глаза, она украдкой кивнула Ахерону.

Он ближе притянул её к себе.

И они прошли мимо Виллема де Конаи, а Серенити даже не взглянула на него.

«*Это её выбор*», — отчаянно думала она.

Это был её выбор, и он был правильным, единственный, который стоило принять.

В пять вечера, водитель Ахерона доставил её одну обратно к офису. Греческий миллиардер настаивал, чтобы она не возвращалась в офис после встречи, но Серенити была непреклонна. Она была приучена к максимальному профессионализму на работе, и дополнительные побрякушки её совсем не радовали. Вздрогнув, Серенити решила игнорировать тот факт, что всему этому её научил Голландский миллиардер.

С подземной парковки она вызвала лифт, который доставил её на самый верхний этаж офиса. Секретарь была удивлена, увидев Серенити, и спросила про её посетителя.

— Ты знаешь, что он всё ещё ждёт?

Серенити облизнула внезапно пересохшие губы.

— К-кто ждёт?

Секретарь странно уставилась на неё.

— Мистер де Конаи. Я ведь говорила, что он пришёл к тебе.

— Я-ясно. Спасибо, — Серенити услышала свой голос, медленно поворачивая назад к лифтам.

Словно на автопилоте, она достала телефон, и вошла в интернет в поисках последних новостей о Виллеме.

Тут же всплыли десятки результатов, в основном все опубликованные греческими СМИ, все они намекали, что между Виллемом де Конаи и младшей сестрой его непостоянной девушки, что-то происходит.

«Быть может, это любовь втроём», — предполагала одна жёлтая газетёнка.

Быть может, Голландскому миллиардеру захотелось молодой и свежей крови, а его бывшая девушка для этого стара, и попросту наскучила?

Как бы там ни было, авторы всех статей соглашались, что Серенити умна не по годам, и все как один решили, что она решила игнорировать миллиардера.

«*Ну вот, и началось*», — тупо подумала она.

Месть должна быть сладкой, но её первый кусочек совсем не казался таковым.

Сама того не замечая, она открыла сообщения, стала набирать одно Виллему.

Серенити: *Ты всё ещё в приёмной?*

Виллем: *Да. Теперь ты сможешь встретиться со мной?*

Серенити: *Да. Встретимся на входе в здание.*

Когда Серенити вышла из здания офиса, она поспешила вниз по ступеням, к своему удивлению замечая, что её ждёт не привычный лимузин и шофёр, а сам Виллем ожидает её, его прекрасное лицо ничего не выражало, даже не выражало, не смотря на то, что люди

вокруг уже бурно обсуждали его.

И с болью в сердце она осознала, что *они смеются над ним*. Это был деловой центр Афин, и однозначно его тут многие узнали, и были в курсе, как она его проигнорировала днём. «*Он ведь тоже это знал*», — лихорадочно подумала Серенити. Так почему он не решил дождаться её в машине?

На неуверенных ногах она всё же подошла к нему.

— Здравствуй, Серенити, — его голос был именно таким невероятным, как она и запомнила его. Но в нём не было ни капли гнева, ни капли обвинения, и ей внезапно захотелось плакать.

Виллем де Конаи был не идиот. Он должен был знать, что это часть её мести. Он должен был. Так почему же он не слова об этом не сказал?

Зглотив, она ответила дрожащим голосом:

— Добрый вечер, мистер де Конаи, — её голос сорвался.

Миллиардер услышал это, и шумно втянул воздух.

— Боже, Сири, — внезапно он взял её за руку, и она не могла ничего поделать, кроме как подчиниться, и сесть в машину. Как только дверь была закрыта, Виллем потянулся к ней. Она сопротивлялась, но он был слишком сильный, а она...

Она была слабой.

Она всегда была слабой, когда дело касалось этого мужчины, этого миллиардера, которого всё ещё любила, хотя и желала уничтожить.

Миллиардер усадил её себе на колени, и обнял, словно заключая в клетку. Это должно было заставить её чувствовать себя пойманной в ловушку, но вместо этого, она будто вернулась домой, и понимание этого ещё сильнее сдавило её горло.

Она ощутила губы миллиардера на своём челе.

— Сири.

Она вздрогнула от звука своего краткого имени на его устах.

— Всё хорошо, Сири, — его руки ещё крепче обняли её. — Это абсолютно нормально.

И она начала плакать, потому что понимала, о чём он говорил, чего старался не произносить прямо, потому что знал, что эти слова причинят ей ещё больше боли.

Это было нормально, что она решила отомстить ему.

Нежно взяв Серенити за подбородок, он взглянул в её глаза:

— Каждый день будем медленно продвигаться вперёд.

Она не могла ответить, могла только плакать, потому что боль и чувство вины угрожали поглотить её.

«*Всего лишь игра*» — повторяла себе Серенити, хоть и позволила Виллему крепче себя обнять.

Она свернулась калачиком в его руках, и её глаза закрылись.

Это всего лишь игра.

Всего лишь игра.

И всё началось сначала, месть приняла другую форму. Виллем и Серенити возобновили свои тайные встречи, и это были самые прекрасные моменты её жизни.

В первый день Виллем повёл её на пикник на крыше отеля де Конаи, на что она никак

не рассчитывала.

— Н-но, ты не устраиваешь пикников, — она запнулась, от удивления.

Но в ответ Виллем только мягко рассмеялся. Усадив её на покрывало, он и сам опустил на него, вынимая из корзины вино, хлеб и сыр, отвечая, что всё это имеет смысл, только если рядом с ним она.

На следующий день, они просто ездили по Афинам и их окрестностям, т. к. оба были полными новичками в столице Греции. В полночь они поднялись на холм Ликавиттос. Его название означало «холм, по которому прошли волки», легенда гласила, что именно там волки искали себе убежище. Оттуда открывался великолепный вид на весь город, с его невероятным Акрополем прямо перед ними, и с возвышающейся горой Парнас на севере.

Затем он отвёз её в кампус университета, и даже проводил практически до входной двери общежития. Серенити хотела попрощаться, но не смогла, часть её бессовестно желала его поцелуя.

А миллиардер стоял прямо перед ней и улыбался.

Она в ответ молча сверлила его взглядом.

— Сири? — Виллем был более осмотрителен, и больше не называл её *ангелом*. По какой-то причине, это причиняло ей боль, а это было последним, что он хотел, чтобы она испытывала.

Её зубы вонзились в мягкую нижнюю губу.

Его глаза расширились.

Её сердце затрепыхалось быстрее и сильнее, а взгляд был прикован к его лицу, Серенити неосознанно умоляла миллиардера действовать. Она облизнула губы, и Виллем шумно втянул воздух.

— Боже, Сири. Я изо всех сил стараюсь сдерживать себя, — она ничего не отвечала, и он был достаточно зрел и опытен, чтобы понимать, она просто не в силах сделать этого.

Просить его о поцелуе убило бы ту оставшуюся малую частицу её гордости, но она отчаянно этого желала. Это было в её глазах, в том, как она увлажнила свои пересохшие губы, как затвердели её соски, чего не смогло скрыть её тонкое тёмно-синее хлопковое платье.

Чёрт подери, именно этого хотел и он.

Он сжал кулаки.

— Я не хотел спешить.

Она всё так же не отвечала. Только молча смотрела на него.

А затем, он увидел кончик её розового языка...

Ах, к черту!

Он резко притянул её к себе, и губы Серенити тут же распахнулись на встречу его хищному поцелую. Обрушиваясь на неё со всем своим желанием, он подался вперёд бёдрами, касаясь её нежного живота своей твёрдой эрекцией. От части он боялся, что его напор может спугнуть её, но вместо этого, он услышал, как его сладкая Серенити мягко застонала. Вместо этого, её хрупкие руки обвили его шею, и как на самом деле, она тёрлась своей киской о его пах.

Его контроль рассыпался на куски.

Отрываясь от её рта, Виллем быстро отдал какую-то команду своей охране, и потащил её за угол общежития. Серенити покорно отправилась за миллиардером, управляемая грехотом своего сердца и сладкой пульсацией киски.

Переулок между зданиями общежитий оказался пустым, тихим и абсолютно тёмным, но Виллем уводил её дальше, пока они не зашли в тупик. Он смотрел на неё горящими голубыми глазами, а она только и могла, что смотреть на него в ответ.

— Честное слово, Сири, — в голосе звучал сильный акцент, а тон был напряжённый. — Если хочешь меня остановить, скажи сейчас, иначе, потом будет поздно.

В ответ она молчала.

Медленно он привлёк её к себе, и так же медленно стал подталкивать назад, пока она не уткнулась спиной в стену. Серенити ахнула от неожиданности, а потом ахнула вновь, когда Виллем оторвал её ноги от земли.

Она обвила его шею руками, а тем временем ногами обхватила талию миллиардера.

А дальше, никто из них уже был не в силах мыслить.

Виллем страстно её целовал, жестко врываясь языком ей в рот, и её ощущения взорвались.

Смутно она почувствовала, как его руки задирают её платье и срывают трусики с её тела. Серенити только и могла извиваться в его руках, всё её тело, казалось, сгорало от желания его прикосновений. Она услышала, как он расстегнул ремень, дёрнул молнию брюк, и ей пришлось прикусить губу, чтобы подавить стон.

О, Боже, это было так давно...

Внезапно, она почувствовала *это*, головка его члена скользнула по влажным складочкам её киски, и на этот раз ей не удалось скрыть громкий возглас...

— Тише, — прошептал миллиардер, накрывая её рот рукой. Серенити яростно замотала головой, а блеск желания в её глазах, заставили Виллема содрогнуться.

— Чёрт возьми, Сири, — он хотел, чтобы это длилось дольше, но она не оставляла ему шанса. Убрав ладонь с её рта, он прошептал, — кусай моё плечо, если будет нужно. Не издавай ни единого звука, чтобы мы смогли трахаться так долго, как захотим.

Она кивнула с широко открытыми глазами.

Крепко удерживая её за бёдра, и прижав Серенити к стене, он медленно ввёл свой член в неё.

От удовольствия у неё закатились глаза.

Твою мать.

Виллем не мог совладать с собой. Яростно двигал бёдрами, насаживая её на свой член. Серенити прижалась к нему, вонзив зубы в плечо, сдерживая стоны удовольствия. Приятная боль её укусов сводила его с ума, что сделало толчки ещё более безумными.

Их оргазм накрыл двоих с головой в считанные минуты, оба дрожали в объятиях друг друга, но Виллему этого было мало. Тело Серенити всё ещё сокращалось от удовольствия, а Виллем уже опустил её ноги на землю, повернул спиной к себе, упирая её руки в стену.

Без предупреждения, он скользнул своим всё ещё возбуждённым членом в её влажный вход, который был обильно увлажнён его спермой. Серенити вскрикнула, но Виллем быстро накрыл её рот рукой. Он жёстко её трахал, а она кричала в его руку, встречая его каждое движение, желая ещё глубже заполучить его.

Шлёпающий звук его яичек о её попу, заставил Серенити закатить глаза от удовольствия, и когда Виллем усилил прогиб её тела, она взорвалась диким оргазмом. Она застыла в беззвучном крике, с его именем на устах, пока Виллем с дикой яростью всё сильнее врезался в неё, в погоне за своим освобождением.

Немного восстановив дыхание, Виллем вышел из неё, начисто вытерев промежность

Серенити идеально белым носовым платком, поправил платье, а затем насухо вытер член и застегнул молнию брюк. Закончив с ремнём, он взглянул на Серенити, и понял, что она побледнела.

Его сердце сжалось, и он резко сказал:

— Я не позволю тебе сожалеть об этом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Срывающимся голосом она ответила:

— И не буду, — но всё равно, что-то было не так.

Они смотрели друг на друга.

И он вновь почувствовал это — любовь, которую для него открыли Миколас и Вельвет Салис. Любовь постоянную и прочную, любовь, которая была чистой и глубокой, которая выросла из дружбы двух родственных душ.

Именно такая любовь и была между Виллемом и Серенити, только он упустил её, прежде, чем осознать, что именно это она и была.

Виллем взглянул на Серенити, и прекрасно понял, о чём она думала, и что боялась сказать.

Потому что он любил её.

Потому что он всегда любил её.

— Сири, — он сделал шаг ей на встречу, но тут же его грудь сдавило, понимая, что она вздрогнула в страхе, будто его близость причиняла ей боль. Виллем остановился, хотя ничего больше в мире не желал, чем броситься к ней, заключить в объятия и любить и дорожить ею так, как она того заслуживала.

Тяжело дыша, он сказал:

— Ты должна позволить мне объясниться о Шейн, — Серенити вздрогнула от упоминания имени сестры, и от вида опустошения в её глазах, Виллема практически пал на колени.

— Никогда, — голос Серенити был звонкий и холодный.

Он хотел возразить, ведь прекрасно понимал, что пока они всё не выяснят, не смогут двигаться дальше. Но, Боже, она выглядела такой чертовски слабой, будто вот-вот развалится на части, что у него не хватило духу ей возразить.

Её губы изогнулись.

— Это всегда будет то, чего я хочу, — отводя взгляд в сторону, она прошептала, — я достаточно слышана о вас двоих от неё.

Виллем замер.

— Ангел...

Она дёрнула головой и взглянув на него была переполнена чувством предательства, мощной волной которого, Виллема практически оттолкнуло от неё.

— Сири...

— Ты сказал ей про это, — в её голосе было столько боли. — Как ты мог?

— Нет, — его голос был жёстким. — Я не говорил ей, — внезапно, он осознал откуда вся эта ненависть, каким образом мысли о мести медленно, но глубоко внедрялась в неё. *Чёрт бы тебя побрал, Шейн.* Он заставит эту стерву заплатить за содеянное, даже если это будет последняя вещь, которую он сделает.

Сделав шаг вперёд, он крепко сжал её плечи.

— Посмотри на меня, — скомандовал он.

Она знала, что не стоит подчиняться ему, но не смогла устоять, ведь любила и ненавидела его одновременно.

— *В ту ночь, когда мы занимались любовью...* — он тяжело дышал, — я взглянул в твои глаза, и понял, что то, что ты мне говорила, было правдой. *Ты любила меня.*

Серенити побледнела от его слов.

— Прекрати.

Но казалось, миллиардер не слышал её.

— Это выбило почву у меня из-под ног, и я понял, что хочу убежать.

— Я сказала прекрати, — прошипела она, хоть слёзы уже струились по её щекам. Она не могла понять, почему он хотел это сделать, неужели не понимал, как вогнал её в агонию, а сердце вырвав из груди, разорвал в клочья, хоть она и молила его остановиться.

Пожалуйста.

Пожалуйста, подожди.

Пожалуйста...

Хриплые рыдания содрогали её тело, и вырвавшись из его хватки, она стала колотить его в грудь.

— Я ненавижу тебя, — она снова и снова била его в грудь, будто вместе с гневом из неё выходил весь яд, впрыснутый в её систему. — Я ненавижу тебя. Ненавижу. Она всё мне рассказала. Всё.

— Серенити остановись, — его лицо было сконцентрированным и жёстким. Он не мог терпеть невыносимой боли, исказившей любимое лицо.

— Она сказала, что ты заплатил ей, чтобы она не подпускала меня к тебе.

Виллем замер.

— Она с-сказала, ч-что ты опасался, б-будто я стану преследовать т-тебя и у-умолять вернуться...

Он не собирался давать ей закончить.

— Достаточно, Сири, — её боль была слишком невыносима. Он в отчаянии припал к её губам, и когда слёзы Серенити смешались с их поцелуем, он ещё отчаяннее стал её целовать, желая, чтобы через поцелуй он смог забрать её боль.

— Позволь мне всё объяснить, Сири, — прошептал он ей в губы.

— Я никогда не поверю тебе, — тупо сказала она.

Виллем сглотнул.

— Я всё равно открою тебе правду, — он сильнее обхватил её. — Ты ведь знаешь историю о моих родителях, которые, практически уничтожили своих детей, из-за того, насколько разрушительной была их любовь. Это была единственная форма любви, известная мне, и которой я отчаянно избегал в своей жизни. Когда ты впервые сказала мне, что любишь, я тебе не поверил. Но затем, в ту ночь... — он громко вздохнул. — Я понял. Это была правда. Я также понял, что должен уйти, потому что считал, что не люблю тебя.

Серенити попыталась вырваться, отрывисто бросая ему:

— Но ты и не любил. Если бы любил, не смог бы тогда уйти...

— Потому что я не знал, — прорычал он сквозь зубы. Виллем отстранился, чтобы она могла увидеть правду в его глазах. — Тогда я полагал, что можно полюбить только внезапно, словно стать жертвой удара молнии, которая делает тебя иррациональным и эгоистичным, как и моих родителей. Я понял слишком поздно, что любовь может приобретать различные формы, и одну из них мы испытали на себе... — он обхватил её лицо ладонями. — Она

зародилась тогда, при нашей первой встрече, а затем со временем из дружбы переросла в то, что сейчас живёт в моём сердце, — Виллем поднёс её ладонь к своей груди.

— Она здесь. Крепкая, неизменная, она заставляет моё сердце биться ради тебя, заставляя его пускаться вскачь, когда ты рядом, заставляя его петь, как грёбанная канарейка, когда ты счастлива. Никогда я не думал, что можно так любить, пока не потерял тебя.

Своей ладонью он накрыл её, которая всё ещё лежала у него на груди.

— Но в ту ночь я ничего этого не знал. Я только знал, что ты любишь меня, а я не могу ничего дать тебе взамен. И решил, что если останусь в твоей жизни, то ты точно узнаешь правду. И подумаешь, что я не просто не в состоянии любить, а не в состоянии любить *именно тебя*.

Виллем замолчал, ожидая, что она хоть что-то ответит, но этого не случилось, тогда он задал свой вопрос:

— Ты мне веришь, Сири?

Медленно она отстранилась от него, и на этот раз, он позволил ей сделать это. Их глаза встретились, казалось, что он смотрит на другую Серенити, которая была старше и мудрее, но которая познала только боль и печаль в своей жизни.

Остальное, что он хотел сказать, умерло на его устах. Он хотел поведать ей ещё тысячи различных мелочей. Хотел рассказать, что же на само дела говорил Шейн, и что она определённо врала обо всём. Но сейчас, глядя на неё, он знал, что ничего больше не имеет смысла, кроме одной вещи.

— Я люблю тебя, Сири, — его голос был жёстким, и он продолжал говорить, глядя ей прямо в глаза, желая, чтобы она видела, что он не лжёт. — Я любил тебя. Я люблю тебя. И всегда буду любить.

Но в ответ она только обронила:

— Увидимся завтра, Виллем.

И они увиделись, но всё было уже не как прежде.

— Ты ведь тоже слышал сплетни, не так ли? — Именно Ставрос поднял животрепещущую тему, и сделал это, по велению совести. Голландский миллиардер был в Афинах вот уже как почти два месяца, и практически столько же тайно встречался с Серенити. Но по слухам витавшим среди греческого бомонда, другой друг Ставроса Ахерон Симониду также встречался с Серенити.

Виллем сделал неспешный глоток кофе, намеренно оттягивая ответ, чтобы не выплеснуть нарыв ярости, который созревал в нём, каждый раз, когда он слышал, что его *ангел* встречается с другим мужчиной.

Медленно опуская чашку на стол, он наконец ответил:

— Ты поэтому пригласил меня на завтрак? — Он был крайне удивлён приглашению, зная, как беременная и капризная жена Ставроса реагирует на то, что он сделал с Серенити.

Не видя смысла лгать, Ставрос просто ответил:

— Да, — и по этой же причине он выбрал местом встречи уединение своего дома. По крайней мере, здесь можно не бояться, что их разговор подслушают репортёры.

— Тебе есть что рассказать об этом? — Настаивал Ставрос.

Широкие плечи Виллема дрогнули.

— Не вижу причин что-то говорить. Это пустые слухи, и если бы они действительно встречались, Серенити сказала бы мне об этом.

Брови Ставроса поползли вверх.

— Ты правда веришь в это?

Виллем не моргая уставился на него.

Медленно греческий миллиардер покачал головой.

— Ты любишь её, не так ли?

Его друг тихо ответил:

— Да.

— И это, чтобы ты там не делал, твой способ искупить свои ошибки?

Губы Виллема дрогнули.

— Согласен, это не самый идеальный план, но если это поможет осознать ей, что же я на самом деле чувствую, то так тому и быть.

Ставрос поспешно ответил:

— Это я посоветовал её на работу Ахерону Симониду.

— Ясно, — вежливо ответил Виллем. — Полагаю, это моя расплата за тот незначительный обман, касающийся тебя и твоей жены, к которому я прибег в прошлом?

— Более или менее, — миллиардер слегка смутился. — Я даже не предполагал, что она... — *Чёрт.*

— Говорю же тебе, — Виллем сказал спокойно, — это просто *слухи*, — но жевалка всё же заиграла на его скуле. — Серенити *работает* на Симониду, и это единственная чёртова связь между ними. — В моей постели она спит, и именно я держу её в руках, когда она просыпается, — Виллем густо дышал, понимая, что позволил ревности взять над собой верх.

— Конечно, — быстро ответил Ставрос, желая успокоить его. Проклиная себя за сказанные слова, он решил быстро сменить тему, и более не затрагивать имени Серенити. Примерно спустя полчаса, Виллем поднялся уходить, и Ставрос проводил гостя до входной двери.

— Если это имеет какое-то значение, то моя жена и я болеем за тебя, — тихо произнёс он.

— И Уиллоу тоже? — Скептически поинтересовался Виллем.

— Сомневаюсь, что моя жена это скоро признает, но она уже простила тебя, — дворецкий открыл для них дверь, как раз вовремя, чтобы два миллиардера увидели подъезжавшую машину.

— Ты должен был предупредить меня, что кого-то ждёшь, — сказал Виллем.

Ставрос нахмурился.

— На самом деле, я никого не ждал.

Они оба наблюдали, как машина замедлила ход, и один из охранников дома Ставроса, бросился открывать пассажирскую дверь.

Медленно из машины вышла Серенити, побледневшая от ужаса.

«Она ведь должна быть в университете», — нахмурившись подумал Виллем.

Водитель спортивно авто тоже вышел, и конечно же, это был Ахерон Симониду.

Оу.

Виллем смотрел, как Ахерон обошёл машину, и положил руку на талию его Серенити. Он ожидал, пока она оттолкнёт руку чужого мужчины, или по крайней мере выявит какой-то знак отвращения, или неприязни. Но ничего подобного не произошло. Вместо того, она

позволила своему греческому боссу увлечь её вперёд.

Как истинный гостеприимный хозяин, Ставрос поприветствовал прибывших, но также сверлил Серенити взглядом полным неодобрения. Это заставило её щёки залиться румянцем, но она всё так же оставалась захваченная в плен рук Ахерона, не в силах заставить себя отойти от него.

«Всего лишь игра, — упрямо напомнила она себе. — Это всего лишь игра, чтобы не говорил Виллем».

Ахерон повернулся в сторону Голландского миллиардера, подталкивая и Серенити посмотреть на него.

— Большое удовольствие, наконец-то познакомиться с вами лично, — услышала она голос Ахерона, когда он протянул руку Виллему. — Хотя я уже и наслышан о вас от моей помощницы.

— Тогда, боюсь, я был представлен не в самом лучшем свете, — ответил Виллем с краткой улыбкой, которая не коснулась его глаз. — К сожалению, о вас, мисс Роли не упоминала ничего, — всё время, пока миллиардер говорил, взгляд его даже не дрогнул в сторону Серенити.

— Она, видимо, слишком застенчива, — игриво ответил Ахерон. — Правда, радость моя? — И когда греческий босс улыбнулся ей, наконец-то, она заметила, как Виллем взглянул на неё.

Это длилось какую-то долю секунды, и она даже решила, что ей всё показалось, опять плод её воображения.

Но она знала, что это неправда.

Душераздирающая боль во взгляде Виллема заставила Серенити почувствовать себя ещё хуже, чем дешёвой шляхой, которой называла её Шейн.

«Всего лишь ложь, — вторила она себе. — Ложь, ложь, ложь, — скандировала она в уме, когда наконец-то встретила его взгляд.

— Мисс Роли.

— Мистер де Конаи.

Он кивнул.

— Было приятно вас повидать.

Она смотрела, как он уходил. Сердце колотилось в горле, и она ненавидела то, как он заставил её чувствовать себя. «Он поступил хуже», — напомнила она себе. Намного хуже, чёрт. Так почему же она тогда чёрт подери, так ужасно себя чувствует?

Вскоре Ахерон уехал, хоть Ставрос и приглашал его войти. Оставшись наедине с греческим миллиардером, Серенити продолжала ощущать на себе его неодобрительный взгляд, и сухо сказала:

— Ты не понимаешь.

— Да неужели? — Спокойно поинтересовался он. — Мне достаточно только взглянуть на лицо моего друга, чтобы понять, что ты лжёшь.

— Ты ничего не знаешь! — Закричала она, поворачиваясь к нему лицом. — Тебя там не было, когда он сделал меня... — она подавила вскрик. — Он первый причинил мне боль!

— За которую ты хочешь отомстить? — На мгновение Ставрос замолчал. — Думаю, сегодня ты своего добила. Кажется, он ясно понял твой посыл. И более не потревожит своим присутствием.

Виллем даже не удивился, когда с рецепции сообщила, что к нему пришла девушка-посетитель, он приказал провести её к нему, зная, что это была Серенити. Быть может, сказывались года, на протяжении которых они были знакомы, или совсем новые, абсолютно невероятной силы любви, которую он испытывал к ней, но всё больше и больше ему казалось, что он понимает, как устроен её разум.

Это было очевидно с того самого момента, как она взглянула на Виллема, хоть и стояла тогда с Ахероном. Он точно знал, что как только у неё появится возможность, она тут же придёт к нему. И в конце концов, Серенити имела неимоверно обострённое чувство справедливости, и с каждым годом оно только росло.

Но это не означало, что она не может удивить его, мрачно думал Виллем. Например, сегодня, видеть то, как Серенити касается рука Ахерона, было словно удар под дых. Был понедельник, учебное время, и он даже не утрудился поинтересоваться чем она была занята, когда отказалась встретиться с ним.

Минутой позже, она уже стучала в дверь его номера, и когда Виллем открыл её, обнаружил, что она вся дрожит и абсолютно подавлена, а в небесно-голубых глазах залегли страх и вина. Она переделалась, что было мудрым решением, Серенити также слишком хорошо его знала, и понимала, что нельзя показываться ему на глаза в той же одежде, в которой была с греческим боссом.

— Входи, — вежливо произнёс он. Это единственное, что ему удалось сказать, потому что именно в тот момент, он осознал, что запросто можно любить и ненавидеть кого-то одновременно. Это было иррационально, особенно для такого человека, как он, но это была сушая правда.

Он не стал провожать её взглядом, когда она прошла мимо, входя в номер, и намеренно тянул время, запирая дверь, хотя снаружи и стояла охрана. Ему нужно было несколько секунд, чтобы взять себя в руки, и думая, что уже возымел над собой контроль, он повернулся к Серенити, и сразу же осознал, как *ошибался*.

Он всё ещё был жутко зол на неё.

— В-Виллем, — он продолжал буравить её холодным взглядом, как никогда прежде, и Серенити была не в силах его вынести. Она знала, что ей должно быть всё равно на это. Ведь это и было её целью, не так ли? Причинить ему боль. Потому что именно это Виллем де Конаи сейчас и чувствует. За непроницаемой маской его прекрасного лица, за ледяным щитом, которым он так умело прикрывался, скрывалась боль, и всё по её вине.

Не этого ли она и хотела?

Содрогаясь всем телом, она ждала, пока он первый заговорит. Она умоляла его глазами, молила дать знак, что он не...

«*Что он не что?*» — отчаянно подумала она.

Внезапно, он всё же произнёс:

— Серенити...

Тон был выбран неверно, и она покачала головой. Она не хотела слышать его голос тогда, будто он произносит её имя в последний раз. Запинаясь, она всё же сказала:

— Не думала, что увижу тебя сегодня.

От её слов его челюсть плотно сжалась, и он насмешливо ответил:

— Очевидно.

Её пальцы впились в ладони. Он был так зол. И она не имела права винить его в этом.

— Сегодня выходной во всём университете. Ни у кого не было занятий, — она оцепенела, произнося эти слова, и звук собственного голоса поразил её. Её голос не мог звучать ещё более лживо, чем это было сейчас. — Ахерон...

— Это так ты его называешь?

Она практически подпрыгнула при звуке его резкого тона.

— Он меня сам попросил, — и даже немного попятилась, встретив убийственный взгляд миллиардера.

— *Он попросил тебя*, — эхом он повторил её слова, с насмешкой. — И только потому, что он попросил тебя, ты ответила согласием?

Она слишком поздно поняла, насколько была так говорить, и побледнев продолжила:

— Всё н-не так...

— Да неужели? — протянул миллиардер.

Серенити обхватила себя руками в попытке унять дрожь.

— Виллем, пожалуйста, — она вздрогнула, когда он чертыхнулся.

— Думаешь, меня это сейчас порадует? — Грубо спросил он. — Что ты зовёшь меня Виллем, хотя тебе не составило никакого труда называть его так же по имени? — Он врезал в стену кулаком, заставляя Серенити подскочить на месте.

Чёрт подери.

Чёрт тебя подери.

— Думаю, тебе лучше уйти, — услышал он свой голос.

Ей стоило так поступить, прежде, чем он принесёт ей ещё больше боли.

Но Серенити не ушла, даже не шелохнулась с места.

— Я не оставляю тебе выбора.

Голос миллиардера был зловеще мягок, и она прекрасно знала, что это означает. Что кипение его гнева достигает поверхности, а ещё, что ему больно... из-за неё.

Но ведь именно этого она и хотела, не так ли?

Так ведь?

Её губы приоткрылись.

— Я хочу остаться.

И как только слова слетели с её уст, она поняла, что именно это и имела ввиду.

Она хотела остаться.

К худу или добру.

Потому что... Потому что она всегда будет любить его.

А она так... так... так устала притворяться, что это неправда.

Внезапно, Виллем направился к ней, и она замерла. Когда он достиг её, тело Серенити, словно в лихорадке затрепыхалось от молний ярости в его глазах. Его пальцы мёртвой хваткой сковали её запястье, и Серенити понимала, что в любую секунду, он может выставить её за дверь.

— Пожалуйста, — она выдохнула слово.

Его голова дёрнулась, и в её взгляде он увидел ужас. Она знала, что он собирался сделать. Чёрт подери, она знала это, так почему же не хотела убежать, а вместо этого просила остаться?

— Ты, — в момент, когда Виллем заговорил, Серенити сглотнула, и замерла в ожидании худшего. Но в её теле не было ни намёка на сопротивление.

Она была готова на всё, чтобы он не предложил.

Она не оставит его.

Его глаза закрылись.

Чёрт тебя подери.

Он причинил ей боль, она ответила ему тем же.

И что теперь?

Открыв глаза, он сказал:

— Ты должна мне вновь доверять, *ангел...*

Всхлип пронзил её тело.

Боль сдавила его сердце, и Виллем поднёс руку к её лицу, бережно убирая волосы назад, осторожно продолжая. — Ты должна доверять и простить меня... иначе, заканчивай то, ради чего пришла. Ты завершишь то, что задумала в тот же день, когда пустила меня обратно в свою жизнь. Отомстишь.

Слёзы ручейками потекли из глаз Серенити, и она в безмолвном рыдании приоткрыла губы.

Виллем отпечатал поцелуй на её челе и прошептал:

— Или позволь мне любить тебя вновь.

С вырывающимися рыданиями она бросилась ему на шею, и Виллем подхватил её на руки. Он понёс её в спальню, а Серенити не переставала рыдать даже тогда, когда Виллем отчаянно опустил свои губы на её.

Она целовала его, продолжая проливать слёзы, и Виллему удалось попробовать на вкус те эмоции, которые разрывали её изнутри. Боль, страдание, смятение, месть, и наконец — любовь.

Уложив её на кровать, он стал медленно её раздевать, лаская и любя каждую частичку её тела. Её пальцы впились в его спину, так требовательно, но он не позволял подгонять себя, наслаждаясь каждой секундой, пока избавлялся от её одежды.

Когда она была полностью обнажена, накрыл рукой одну грудь, а затем опустился губами на сосок. Серенити застонала, её тело прогнулось дугой, стараясь глубже протолкнуться в его рот. Её соски до боли затвердели, а он всё продолжать ласкать то один, то другой. А затем отстранился, снимая одежду и с себя.

— Я люблю тебя, — выдохнул он, возвращаясь на кровать, и удобно располагаясь между её ног.

Ещё больше слёз хлынуло из её глаз, в которых по-прежнему было столько ужаса и отчаяния, что они сами отвечали за неё. Смотреть на неё было словно опять и опять вырывать своё сердце из груди. Он поцеловал её сильнее, и в отчаянии сказал:

— Я люблю тебя, Серенити Роли. Я люблю тебя, моя Сири, мой ангел, — и не смотря на то, что она прижалась к нему, а рыдания продолжали сотрясать её тело, он продолжал повторять, что любит её, и был готов произнести это тысячи раз, только бы убедить Серенити, что это правда.

Прокладывая себе дорожку из поцелуев всё ниже и ниже, он продолжал повторять своё признание. Используя губы, руки, тело, чтобы позволить ей узнать, что на самом деле в его сердце с самого начала.

Его руки обхватили её грудную клетку, когда он поцеловал её лоно. *Я люблю тебя.*

Опустил голову между её бёдер. *Я люблю тебя.*

Закинул ноги себе на плечи, трахая её двумя пальцами и языком. *Я люблю тебя.*

Сосал клитор. *Я люблю тебя.*

А когда она кончила, выпил все соки её удовольствия до последней капли. *Я люблю тебя.*

Как только он поднялся к ней, чтобы встретиться взглядами, Серенити тут же обхватила ногами его тело, так сильно, что страх её сердца передался ему, и он прошептал ей на ухо:

— Я никуда не денусь, *ангел.*

Одной рукой подхватил её под спину, другой рукой направил член к её входу. Он трахал её. Сначала не спеша, доводя до безумия. А когда её бёдра стали подниматься и опускаться, встречая его удары, Виллем ускорил темп, яростно вбиваясь в неё.

Он трахал её жёстко и быстро, трахал так, что за считанные минуты она отчаянно кончила. Но не спросив ни слова, он быстро развернул её задом, и тут же его член вновь скользнул в неё. И он вновь Виллем трахал её. Поставив её на четвереньки, он обхватил её грудь, пока член яростно работал внутри неё, а смягчился только тогда, когда её сладкие стоны раздавались эхом по всей комнате, тогда он стал ласкать её ещё и пальцами, дабы ускорить освобождение.

Они занимались любовью всю ночь, и у него в голове сидела всего одна мысль. Он хотел, чтобы она чувствовала себя любимой.

Серенити проснулась на рассвете, её тело приятно ныло, и было прижато к боку миллиардера. Осторожно она выбралась из кровати, и подняв его рубашку с пола, натянула на себя и отправилась в душ.

Привеяв себя в порядок, она хотела возвращаться к нему, но тут её внимание привлекла серебристая коробочка под деревянной скамейкой в его гардеробе. Сгорая от любопытства, она достала её и открыла...

Крышка коробки выпала из её ослабших пальцев, когда она увидела, что было внутри.

Пара розовых туфель на шпильке, усеянные камнями, а сзади с бантом.

Они были пошиты на заказ.

Но это была не единственная вещь, от которой у неё на глаза навернулись слёзы. На дне, в слоях обёрточной бумаги, лежала меньшая серебристая коробочка. По форме напоминавшая коробочку для кольца.

Миллиардер открыл глаза, когда она вернулась в кровать. Как только кровать прогнулась под её весом, Виллем тут же увлек её в свои объятия без единого слова протеста. Их губы встретились в сладком сонном поцелуе, но её сердце выбивало бешенный ритм.

Когда она отстранилась, чтобы взглянуть на него, Виллем сказал:

— Миколас и Вельвет Салис пригласили меня на свой благотворительный вечер. Пойдёшь со мной?

Серенити подумала о коробках, которые ждали в гардеробной.

Она подумала о мести.

Она подумала о любви.

Дрожащим голосом Серенити прошептала:

— Да.

Вечером Голландский миллиардер с особой тщательностью подобрал костюм, потому что хотел произвести впечатление на девятнадцатилетнюю девушку, которая пообещала встретиться с ним там.

Когда было время идти, он захватил с собой две коробки. На вечеринку он явился высокий, мощный и невообразимо красивый в своём белом смокинге, его белокурые волосы волнами спадали на лоб, что было полной противоположностью его обычному безупречному совершенству.

Все смотрели на него, и понимали — *Голландский миллиардер влюбился.*

А на другом конце города девушка, покоровшая сердце миллиардера, была совсем беспечна вместо его решительности, она выбрала шёлковое платье цвета лазури. Её сердце билось в такт каждой секунде. Она была взволнованной и испуганной, воодушевлённой и полной надежд.

Когда она вошла в зал, стоя на роскошной лестнице, которая спускалась туда, где происходило главное действие, каждый, кто смотрел на неё понимал — *девушка влюбилась.*

И это была правда.

Или по крайней мере, так было до тех пор, пока она не увидела ещё одну девушку на этой же лестнице, её высокое стройное тело было затянуто в чёрное кружево.

Это была Шейн.

Миллиардер сразу заметил, когда вошла девушка, которую он любил, и, как и все мужчины этого зала, с замиранием сердца следил, как она спускалась по лестнице. Он был переполнен гордостью и любовью, глядя на неё, и его пальцы впились в коробку, которую он держал в руке.

Она была чертовски красива, и даже сейчас он всё ещё не мог поверить, что она приняла его обратно. Никакие слова не могли изменить прошлого, но это уже было не важно. Он любит её, а остальное всё не имело больше значения. Когда она возьмёт его под руку, он уже знал.

С этого момента всё должно быть идеально. Навеки вместе, как и должно было случиться, пока он не увидел печальный взгляд на её прекрасном лице. Виллем посмотрел в ту же сторону, куда смотрела она, и побледнел.

Шейн.

Он не имел нахрен ни малейшего понятия, какого чёрта она тут делает, и откуда знакома с его расписанием, да сейчас это не имело абсолютно никакого значения.

Что на самом деле было важно, заставить Серенити выслушать его.

Виллем постарался аккуратно пробраться к ней сквозь толпу, как можно быстрее, но когда заметил, как она подняла подол своего платья, и со всех ног бросилась прочь, миллиардеру стало плевать на манеры, и расталкивая людей в стороны, бросился следом за ней.

Добравшись до лестницы, он перепрыгивал сразу по несколько ступеней, не обращая внимания на шокированные взгляды окружающих. Серенити добралась до главных дверей, и бросилась прочь по коридору в поисках выхода, в это время Виллем уже взбежал на лестницу, и в отчаянии закричал:

— Серенити!

Все оглянулись на него, но только не девушка, которая украла его сердце.

— Серенити!

Он бежал следом за ней, и зная, что он уже близко, она тоже прибавила скорости.

— Серенити!

Она скрылась за углом.

Виллем нагнал её как раз вовремя, чтобы увидеть, как она врезалась в Ахерона Симониду.

«*Чёрт его подери*», — тупо подумал Виллем, замедляя шаг. Это должен быть он. Просто должен быть. Он наблюдал, как греческий миллиардер опустил руку на её талию, и Виллем едва сдерживался, чтобы не броситься на другого мужчину, и не превратить его лицо в кровавое месиво.

Греческий миллиардер склонив голову набок, что-то нашёптывал на ухо Серенити, прежде, чем прижать её к себе, оставляя руку на талии. Когда Виллем приблизился к ним, двое взглянули в его сторону, представляя собой единое целое, но только греческий миллиардер встретил взгляд Виллема.

«*Пошёл ты на хрен, Ахерон!*» — думал Виллем, когда ревность и грозила разорвать его сердце.

Стоя прямо перед ними, он тихо сказал:

— Посмотри на меня, Сири.

Он смотрел, как её плечи вздрогнули от упоминания её имени, которое использовал только он, но так и не подняла глаз.

— Посмотри на меня, Сири, — на этот раз приказал он.

И когда он было уже подумал, что она больше не повинуется ему, Серенити наконец-то встретила его взгляд. Вид её стеклянных глаз, был словно пинок под дых, но он всё же сказал:

— Мне жаль, — он должен был извиниться, хотя не имел ни малейшего понятия, что её сестра делает на этом самом мероприятии. Он должен был извиниться, потому что, как бы ему не хотелось повернуть время вспять, и встречаться только с одной сестрой Роли, он никак не мог этого сделать.

Он только мог любить её до конца дней своих, и надеяться, что этого будет достаточно.

Серенити увидела боль, так глубоко отпечатавшуюся на лице миллиардера, и ей стало любопытно, правда ли это. Она была ошеломлена, и всё ещё прибывала в агонии от вида своей сестры, и теперь, совсем не знала во что верить.

Что если, это было всего лишь повторение истории?

Очередные игры.

Первый раз, когда Серенити подарила ему своё сердце, Виллем без труда позволил ей уйти.

В первый раз, когда Серенити подарила ему своё тело, он сбежал к её сестре, а потом ушёл от неё, игнорируя её мольбу.

Как тут теперь разобраться где правда, а где ложь?

— Сири.

Ей хотелось разрыдаться от звука его голоса. Даже сейчас, когда казалось, что он опять играет, её тело пело в его присутствии, а весь её мир всё также вращался вокруг него.

— Я так устала, — срывающимся голосом пробормотала она.

Виллем шумно втянул воздух, при звуке отчаяния в её голосе. На один ужасный миг, паника овладела его разумом, когда он представил свою жизнь без Серенити в ней. Что, если она никогда не поверит ему. Что, если слишком много всего произошло, чтобы Серенити вновь смогла верить ему и любить...

Нет.

Заткнув все мысли и сомнения подальше, Виллем сконцентрировался на девушке, которую любит.

— Послушай меня, любовь моя, — он не обращал никакого внимания на то, что толпа собиралась вокруг них, гости, которые игнорировали балл и церемонию по сбору средств, только, чтобы лицезреть картину, как два европейских миллиардера сражаются за сердце девятнадцатилетней девушки.

— Знаю, о чём ты думаешь, и это не правда. Я люблю тебя, и ты знаешь, что любишь меня, и поэтому, мне достаточно только взглянуть на тебя, а я уже знаю, что пошло не так, — что-то промелькнуло в её взгляде, и он понял, что это был хороший знак. — Не имею не малейшего понятия, что тут делает твоя сестра. Единственное моё предположение о том, откуда она так хорошо знакома с моим расписанием, Шейн просто знакома с людьми, у которых это можно выведать, и потому, что многие считают её всё ещё частью моей жизни, могли без труда предоставить ей необходимую информацию, — Виллем сделал паузу, и его скулы напряглись при виде руки греческого миллиардера, которая всё ещё покоилась на талии его женщины. Проглотив свою ярость, он продолжил, — Дело в том, что я не приглашал её, и никогда не собирался сделать частью своей жизни. Она в прошлом, Сири. А ты моё настоящее и будущее.

Но Серенити только безмолвно смотрела на него, а когда начала клониться к своему греческому боссу, Виллем процедил сквозь зубы:

— Нет.

Она вздрогнула от резкости в его голосе, но Виллему было плевать. Она могла быть уставшей и слабой, но как долго по её мнению, Виллем будет терпеть её в руках другого мужчины?

— Ведь не так давно, ты решила доверять мне, *ангел*...

— Не называй меня так, — её голос был жестоким.

— Почему нет? — так же яростно спросил он. — Потому что твоя сука-сестра накормила тебя всяким дерьмом о нас двоих? — Виллем покачал головой обессилив от отчаяния. — Она лгала Серенити. Тебе пора уже знать, как и мне, что она патологическая лгунья. Я могу доказать тебе это, но прежде, чем я что-то скажу ещё, ты должна мне довериться. Ты должна разрешить себе любить меня вновь, иначе...

— Не позволяй ему давить на себя, — холодно перебил Ахерон. На этот раз у него не было скрытых мотивов, или помыслов затянуть её в свою постель. Стоило всего один раз взглянуть на неё сейчас, и становилось ясно, только кто-то отчаянно влюблённый, может быть настолько ранен. Но даже в таком случае, он не собирался просто стоять в стороне и бездействовать. Он хотел, чтобы Серенити знала, что у неё есть выбор, и прямо сейчас она может уйти отсюда с ним, с высокоподнятой головой, и сохранённой гордостью.

Голубые глаза Виллема приобрели холодный оттенок.

— Отвали.

— Не тогда, когда вижу, как ты пытаешься иметь обеих сестёр, заливая им сладкие слова.

Два миллиардера готовы были впиться друг другу в горло, если бы Серенити не закричала им остановиться.

Они замерли, когда взгляды обоих метнулись к ней, но Серенити смотрела на Ахерона, только на него.

— Спасибо за помощь, — прошептала она.

Виллем услышал свой голос:

— Что ты говоришь, Сири? — Он должен был спросить, хотя то, как она говорила, то, как даже не могла на него взглянуть, уже подсказало ему ответ.

Все ещё не глядя на Виллема, Серенити ответила дрожащим голосом:

— Я выбираю его.

Она хотела сделать шаг на встречу Ахерону, но Виллем преградил ей путь, и сама того не желая, она встретила его взгляд, так же переполненный болью, как и её.

Она попыталась отвести взгляд, но миллиардер не позволил ей. Его руки обхватили её лицо, когда он потребовал хриплым голосом:

— Думай, что говоришь, чёрт возьми.

— А я и думала, — прошептала она. — Я поняла насколько устала от этой конкуренции, переживаний...

— Но в этих переживаниях нет никакой надобности!

Серенити задрожала от того, как Виллем выкрикивал слова. Это было не похоже на него. Это был совсем не он, и она не хотела, чтобы он был таким из-за неё.

— Виллем...

— Нет!

Она с трудом проглотила ком в горле от вида его отчаяния.

— Мне жаль.

— Не говори так, чёрт возьми! Не говори, будто...

— Думаю, мне и не нужно говорить, — надломлено произнесла она. — Ты ведь и так прекрасно знаешь, что я собираюсь сказать.

Он побледнел.

— Не делай этого, Серенити, — его голос срывался в отчаянии. — Я ведь сказал, что люблю тебя. Что не изменял. Тебе нужно просто...

Она покачала головой.

И все слова умерли на его устах.

— Ты никогда неверишь мне, не так ли? — глухо пробормотал миллиардер.

— Нет, — это была ложь. — Я б-больше н-никогда не п-поверю т-тебе, — но по правде говоря, это была именно она сама, кому Серенити была больше не в силах доверять.

Она думала это конец.

Что он сейчас уйдёт.

Но нет.

Вместо этого, он вновь разбил её сердце, когда Серенити увидела, как он что-то достаёт из пакета, который держал в руке.

Маленькая серебристая коробочка...

У неё перехватило дыхание.

— Нет, Виллем. Нет, пожалуйста, — её голос превратился в сдавленный хрип.

Но миллиардер всё равно открыл коробочку.

Люди вокруг них ахнули, и она подпрыгнула от неожиданности, напоминая ей, что они далеки от уединения. Вокруг них было столько народа, и Виллем не мог не знать о них тоже. Знал, что все они увидят, как он делает предложение, и знал, что она откажет ему.

— Пожалуйста, Виллем, — она молила его не только словами, но и взглядом. Потому что, если она не доверяла себе, когда рядом с ним, не означало, что перестала его любить. —

Пожалуйста, не делай этого.

— Тогда, скажи да, — глухо молил он. Виллем достал кольцо из коробочки, и Серенити затаила дыхание, когда он опустился на одно колено. — Я люблю тебя, Серенити Роли. Я понял это, когда было слишком поздно, но я люблю тебя с той самой встречи, когда тебе было всего четырнадцать лет, и буду любить тебя до конца дней своих.

Серенити прижала ладонь ко рту, чтобы подавить вырывающиеся рыдания.

— Станешь ли ты моей женой?

Она прошептала:

— Нет.

Виллем затаил дыхание.

— Измени своё решение.

Она сильно прикусила губу.

— Нет.

— Я люблю тебя, Серенити. Будь моей женой.

Она зажмурила глаза.

— Нет.

Когда она открыла глаза, увидела удаляющуюся фигуру Виллема, и казалось, будто вся её жизнь летит в пропасть.

Слёзы хлынули из её глаз, а тело содрогалось в безмолвных рыданиях.

Видишь, Серенити?

Это всё была просто игра.

Вот, как мало ты значишь для него.

Но даже для собственных ушей Серенити, слова звучали пусто и неубедительно.

Она смотрела, как фигура Виллема продолжала удаляться, и казалось, её жизнь вернулась назад, когда ей было четырнадцать, проигрывая ту сцену в её памяти.

— Было приятно с вами познакомиться, сэра, — произнесла она четырнадцатилетняя.

— Не менее приятно и мне, — ответил ей с невероятной учтивостью двадцати восьми летний Виллем де Конаи.

— Сэр, — сказала она, встретив его в библиотеке.

— Виллем, — настаивал он, и этот спор не покидал их на протяжении всех лет знакомства, как же она должна к нему обращаться.

— Будем поддерживать связь, ангел, — это стало обещанием миллиардера без лишних слов, что он будет рядом с ней.

— Обещаю. Виллем, — ей было пятнадцать лет, когда она посвятила себя ему, полностью доверилась, как никому после самоубийства отца.

— Можешь мне кое-что пообещать? — Спросил её миллиардер. — Если когда-нибудь решишь меня бросить, не нужно... просто уходить. Дай мне знать. Я не стану тебя останавливать, просто... дай мне знать.

Серенити вздрогнула от последнего воспоминания.

И внезапно, ей стало всё ясно.

Он сделал ей предложение, и спрашивал её вновь и вновь, но не мог давить на неё вечно, потому что любит её. Он любит её именно так, как и говорил с тех самых пор, как ей было четырнадцать, любит сейчас, и будет любить вечно.

Он любил её настолько сильно, как и тогда, когда ей было шестнадцать.

Если она решит уйти, он не станет останавливать.

Потому что любил достаточно сильно, чтобы дать выбирать самой.

И она побежала за ним так сильно, как только могла, хотя и знала, что может повредить ногу. Ей хотелось кричать его имя, но Серенити прикусила губу так сильно, как только могла, не желая вызывать у него жалость.

Толпа расступилась, когда она бросилась вперёд, казалось никто не смел им мешать. Будто все понимали, что это битва, которую ей нужно выиграть самой.

Она уже была на полпути к нему, когда нога дала сбой, и Серенити рухнула на пол с глухим стуком. На мгновение ей показалось, что время остановилось, но она заставила себя встать.

Виллем завернул за угол, и толпа, ожидавшая у выхода не собиралась потерять возможности увидеть воочию местную знаменитость. Но казалось, они не узнали миллиардера, и он продвигался сквозь них быстро. Так же само, они были безразличны к присутствию Серенити, которой приходилось вставать на носочки, чтобы найти Виллема в толпе.

Ей приходилось двигать вперёд не смотря на жгучую боль, пронзавшую ногу. Серенити следовала за ним, рыдая и моля Бога, чтобы помог его догнать.

Пожалуйста, Боже, пожалуйста.

Ох, как она будет умолять его, чтобы остался с ней!

Ей нужен этот последний шанс, чтобы она сказала Виллему, что всё поняла.

Пожалуйста, Боже...

Пожалуйста...

Пожалуйста...

Но видимо, она слишком сильно увлеклась чувством мести.

Не важно, как она спешила, но он всё дальше и дальше уходил.

На расстоянии она увидела, как Виллем встретил какого-то знакомого, и надежда вспыхнула в ней вновь. Сейчас она его догонит, лихорадочно думала Серенити. Она заставила свою ногу работать вдвое сильнее.

Серенити уже практически коснулась кончиками пальцев его спины...

Как кто-то сзади толкнул её, и она упала.

В последний раз.

На этот раз, нога просто перестала сгибаться, и она поняла, что если опять даст ей нагрузку, нанесёт себе непоправимый вред.

На этот раз она рыдала, тихо, безутешно, понимая, что сама вела игру... и проиграла.

Он причинил ей боль, а она причинил ему боль в ответ.

Этого не должно было случиться, но миллиардер сам позволил ей провести своё возмездие.

Ей должно было хватить того, но она желал большего.

А теперь, он был потерян для неё...

— Сири?

Её голова дёрнулась вверх.

Это был Виллем.

Он опустился на колени прямо перед ней, лицо мертвенно-бледное. Его охрана, включая её любимых мистера Смита и мистера Смолена, обступили их вокруг, создавая

эффект уединения.

— В-Виллем? — Она боялась, что всё ещё грезит. Она потянулась рукой к его лицу, и когда он схватил её, поднёс к своим губам и стал целовать каждый пальчик, она вздрогнула.

— Виллем, — она вновь и вновь произносила его имя сквозь рыдания, а когда он притянул её в свои объятия, Серенити уже было не остановить.

— Прости меня, Виллем. Прости, я была так напугана, что ты вновь причинишь мне боль, — выпалила Серенити, гонимая паникой, решив, что если прямо сейчас всё ему не расскажет, то он уйдёт. — Хотела отомстить тебе, хотя и не должна была. Хотела причинить боль, как ты причинил мне. Хотела...

Виллем поцеловал её.

— Всё хорошо, ангел, — прошептал он ей в губы.

Когда он отстранился от неё, его глаза подозрительно ярко блестели.

Её сердце вновь дрогнуло, и она прошептала в ответ:

— Я люблю тебя, Виллем.

Он ответил ей, предлагая кольцо, и после её кивка, надел его Серенити на палец. Он снял свои туфли, и не смотря на свои рыдания, она вновь кивнула. Виллем снял и её туфли тоже. И прежде, чем она поняла, что он собирается делать, Виллем уже целовал каждый пальчик её ног.

Люблю тебя, моя прекрасная Ледяная принцесса.

Моя Сири.

Мой ангел.

Эпилог

Три месяца спустя.

Все в замке мечтали убить Шейн Роли, все, кроме двоих, которые должны были ненавидеть её больше всех.

Это был последний день съёмок документального фильма о помолвке Виллема де Конаи и Серенити Роли, девятнадцатилетней американской девушки, которую в прошлом звали Виллем младший, но в последнее время, которая во всех заголовках и ток-шоу носила имя миссис Виллем, хотя официальная дата свадьбы и будет объявлена только после того, как она окончит колледж.

Сказать, что люди были в шоке, когда узнали, что Шейн была приглашена для съёмок документального фильма, было бы приуменьшением, но т. к. это было решение Виллема, никто не смел ему перечить.

Все, кто были знакомы с Виллемом, прекрасно знали, что власть над ним имеет только его возлюбленная невеста.

И команда делала всё возможное, находясь рядом с голландской моделью. Они притворялись, что слушают её истории, притворялись, что верят, даже когда они граничили с небылицами. Казалось, что Шейн приняла приглашение, только чтобы доказать, что не была проигравшей, а особенно в финансовом положении, о котором она не забыла упомянуть. Как только официально было объявлено о помолвке Виллема и Серенити, Шейн тут же созвала пресс-конференцию, дабы похвастаться своим кольцом с бриллиантом в двенадцать карат, которое ей преподнёс арабский шейх. Но тот факт, что её собственный миллиардер-жених был в два раза старше Виллема, она предпочитала утаить каждый раз, когда общалась с прессой.

Вечером перед началом съёмок документального фильма, Виллем пригласил всех участников в замок на ужин. Он восседал во главе стола, держа Серенити за руку, которая была вся в розовом, похожей на прекрасное видение.

Шейн прибыла последней, облачённая в полупрозрачное платье. Королева была так шокирована её видом, что приказала ей ужинать в гостевой спальне.

Поведение Шейн в первый день съёмок, так же создало некий прецедент. Если бы кто-то сказал бы, что взобрался на Эверест, она бы тут же подхватила, утверждая, что сделала это дважды. Если видела кого-то на площадке с сумочкой «Луи Витон», твердила, что отдала свою такую же горничной, потому что она ей наскучила. А если кто-то хвастался последним отдыхом на Багамах, Шейн зевала и говорила, что это место слишком устарело после того, как она была там бесчисленное количество раз.

И так далее, и так далее, вплоть до того, что режиссёр пришёл в офисе Виллема с визитом.

— Простите, мистер де Конаи, но боюсь, что принёс плохие новости.

Виллем опустил ручку на стол.

— Уверен, всё не так плохо.

— Так и есть, — несчастно ответил режиссёр. — Это команда. Они угрожают бойкотировать сегодняшний праздничный ужин.

— Ясно. Это действительно проблема. Вы знаете, в чём причина?

— Ну... — он поморщился. — Это ваша будущая золовка.

— Ах. Они не хотят видеть её там?

Он хмуро кивнул.

Голландский миллиардер просто кивнул в ответ.

— Сделаю всё, что смогу.

— Хорошо, босс, — когда режиссёр развернулся, чтобы уйти, он гадал показалось ли ему, или действительно он увидел жестокий блеск в глазах миллиардера.

Определённо...

Нет.

Это ведь Виллем де Конаи, самый воспитанный из миллиардеров. Он и его невеста были такими милыми, что пригласили Шейн Роли на съёмки фильма, хоть она и была полной стервой по отношению к миссис Виллем.

Он покачал головой. Скорее всего, миллиардер просто поговорит с Шейн, и всё.

С целью промоушена фильма, было принято решение снять дополнительный материал продолжительностью в один час только о любовном треугольнике миллиардера и двух сестёр.

Серенити думала, что Виллем откажется, но вместо этого он согласился. И вот теперь, мрачно думала Серенити, придётся больше, чем хотелось проводить времени с Шейн. Сейчас они обе находились на кухне, где Серенити крутила суши-роллы, пока Шейн восседала напротив неё на высоком табурете, и рассказывала о последних приключениях со своим женихом.

— А вы с женихом уже наслаждались прогулкой на верблюдах по пустыне?

— Эм... Нет.

— Бедняжка, — тон Шейн был полон симпатии.

Стоящий за ней оператор закатил глаза, и Серенити с трудом подавила смехок.

— Да, эм... жаль.

Но если верить статье, которая недавно попала в руки Серенити, то эта прогулка на верблюдах имела не совсем приятный исход. Шестидесятилетний жених Шейн накануне прогулки отобедал роскошными блюдами, и постоянно выпускал газы в присутствии Шейн и её приглашённых друзей.

Время, казалось ползло, как черепаха, пока Шейн продолжала потчевать Серенити команду очередными подвигами, большинство из которых они уже и так слышали. Закончив с роллами, Серенити спрыгнула со стула, и к ней тут же бросилась Эсли — собака, за которой присматривали они с Виллемом, пока её хозяева Деймэна и Маири Левентис, путешествовали по землям королевства.

Улыбаясь, она наклонилась, чтобы ласково почесать её за ухом.

Губы Шейн изогнулись.

— Это отвратительно.

— Шейн! — она прикрыла руками уши собаки. — Это не вежливо.

— Но это правда, и ты знаешь это, — со словами Шейн, на кухне появился Виллем, и его губы тронула улыбка, когда он заметил, как глаза его невесты засияли при его появлении. Я люблю тебя, кричали её глаза, хоть голос был мягкий и учтивый.

— Добрый день, мистер де Конаи.

Он улыбнулся, и напомнил:

— Виллем.

— Сэр.

Желая поскорее увидеть Виллема, Шейн та резко развернулась на табурет, что чуть не свалилась с него. Когда команда едва сдерживала хохот, она быстро соскочила со стула, и выпалила:

— У тебя слишком устаревшая кухонная мебель, Серенити! Вот дома у моего жениха, всё согласно последнему писку моды, — когда она не ответила, Шейн повернулась в её сторону, и увидела, что рот сестры занят поцелуем Виллема.

Она покраснела, ревность и злость разрывали её. Она знала, что это единственная вещь, в которой ей не победить. В мире был всего один Виллем де Конаи, а её жених со своим шестидесятилетним сморщенным телом, и маленьким членом, делал Виллема ещё более привлекательным для Шейн.

Она уже хотела сказать что-то кокетливое, но в дверях появилась охранник, и кивнув всем присутствующим, передал миллиардеру дорогой на вид пакет.

Её любопытство взяло верх.

— Что это?

— Просто эксклюзивное лакомство из Франции, — голос миллиардера звучал буднично.

Шейн наблюдала, как Виллем достал фарфоровую чашу, украшенную разноцветными кусочками стекла, внутри которой что-то виднелось. Это были печенья в форме половинок сердечек, и прежде, чем могла остановиться, Шейн похвасталась:

— Оу, теперь я знаю, что это. У меня есть такие же.

Глаза Серенити расширились от удивления.

— Правда?

Скептический и раздражённый тон миллиардера слегка выбил Шейн из колеи, но она

тут же натянула сексуальную и игривую улыбку.

— Ну конечно, есть. Мой жених и я никогда не упускаем возможности попробовать новые лакомства в странах, где бываем. А мы объездили весь мир уже трижды, насколько вам известно.

— Вчера ещё было дважды, — напомнил один из операторов, но тут же замолк, как только Шейн услышав его голос, метнула в его сторону молнию.

Шейн сделал глубокий вдох, прежде, чем вновь взглянуть на миллиардера.

— Так о чём я? — Она протиснулась мимо Виллема, позволяя кончику своей груди коснуться руки миллиардера.

Серенити нахмурилась, и уже собиралась сказать сестре отвалить, когда услышала её хриплое дыхание.

— Ох, теперь вспомнила, — сказала Шейн, ближе притягивая к себе чашу с лакомствами. — У меня точно есть такие, и я обожаю их.

— Ты уверена?

— Как на счёт того, чтобы ты дал мне попробовать одно, и я скажу не ошибалась ли?

Губы миллиардера изогнулись.

— Как пожелаешь, — он взял одно печенье-сердечко из чаши.

Челюсть Серенити отвисла.

— Шейн...

Не желая, чтобы слова сестры повлияли на то, получит ли она печенье, Шейн наклонилась вперёд, и быстро взяла его в рот из рук Виллема, не забыв лизнуть его пальцы. Она медленно жевала, делая вид, что наслаждается каждой его крошкой, и хотела, чтобы миллиардер вспомнил те времена, когда она поедала его член.

Миллиардер ошеломлённо смотрел на неё, и Шейн улыбнулась от удовольствия. Наконец-то. Она всегда знала, что настанет время, когда он устанет от её сестры. Она повернулась к Серенити, и, как и ожидала, увидела тревогу на её лице.

Похоже, Серенити не хватало слов.

— Шейн...

— Что такое, моя дорогая сестра, — наигранно сладко спросила она.

Серенити тихо ответила:

— Эти лакомства для Эсли.

Шейн перестала жевать.

Оператор и охрана, которые всё слышали, взорвались приступом смеха.

Вдруг она увидела взгляд миллиардера, полный презрения.

— Я знаю каждую грёбанную вещь, которую ты сделала моей будущей жене, — его голос был опасно мягкий, который могла слышать только Шейн. — Каждую чёртову мелочь.

Она стала задыхаться в ужасе, но когда она только собиралась припираться, миллиардер сказал?

— Нет.

Шейн замерла.

— Ты ведь знаешь, что я в считанные секунды могу уничтожить твою жизнь. Могу рассказать такие подробности твоему шейху, что потом вся его семья не отмоется, а он не просто прогонит тебя прочь, а её и посадит в свою королевскую каталажку.

— Я могу это сделать, и ты прекрасно понимаешь это. Кивни, как маленькая послушная собачка, если поняла меня.

Внезапно, она вспомнила последний день, когда Серенити была дома у Мелани, и как она пыталась обращаться с нею, как с собакой.

Шейн взглянула в глаза Виллема и поняла, что и об этом случае он тоже осведомлён. Он знает, и хочет убить её за это, только ждёт, чтобы она дала ему повод спустить курок.

Слёзы навернулись на глаза, но Шейн проглотила содержимое рта. Желудок протестовал, но она послушно всё проглотила.

— Может ещё одно? — Вежливо поинтересовался миллиардер. — Только, чтобы убедиться, что между нами всё в порядке, — на этот раз он сказал громче, чтобы слышали все.

Шейн не моргая взяла ещё одно лакомство из чаши, и послушно положила его в рот.

Миллиардер наклонился к ней...

Шейн вздрогнула.

Но он только коснулся её макушки.

— Хорошая девочка, — он взъерошил её волосы, будто она собачонка.

Держась за руки, они вошли в банкетный зал. Где все участники съёмки уже были в полном сборе вместе с королевой и другими членами королевской семьи. Серенити читала ему расписание на завтра, голос её был тихий и спокойный, но Виллем догадался, что что-то не так.

Это было не потому, что она звучала, как его личный ассистент. Она делала это постоянно, даже, с тех пор, как они воссоединились. *Только потому, что теперь она его невеста*, не значит, что не должна быть профессионалом на работе.

Так что, нет, Серенити не вела себя, как блондинка-робот, которой её постоянно дразнила подруга Уиллоу. Это был один из тех случаев, когда она не могла посмотреть ему в глаза, и когда она делала очередной вдох, Виллем перебил её.

— Что случилось?

Она робко ответила:

— Ты был таким пугающим.

— Естественно, — голос миллиардера звучал буднично. — Я хотел, чтобы она усвоила урок, — он сделал паузу, — и я был *немного* зол.

— В целом оправдано, — пробормотала она себе под нос.

— Как я тебе не раз говорил, не стоит быть грубым, когда злишься, — Серенити была захвачена врасплох, когда он притянул её к себе, и приподнял за подбородок лицо. — Я тебя испугал?

— Только немножко, — призналась она. — Ты всегда такой цивилизованный, — внезапно она смутилась.

Он пришёл в восторг.

— Отчего это?

— Ну, я подумала, что ты всегда такой цивилизованный, кроме... как в постели, — застенчиво призналась она.

Он должен был поцеловать её после такого, и к моменту, когда они присоединились ко всем в зале, щёки Серенити горели, а губы припухли от поцелуев. Он отодвинул ей стул, и помог присесть, а затем и сам занял рядом своё место. Для того, чтобы сохранить некую

интимность, столики были накрыты для троих, и с ними за столом сидел один из младших братьев Виллема — Яак.

Его глаза горели восхищением, и он наклонился к Виллему и сказал:

— Я впечатлён, брат.

Виллем вздёрнул бровь.

— И чем?

Никогда не думал, что ты настолько сошёл с ума, чтобы опоздать на ужин с сотней приглашённых, ради одного поцелуя.

Услышав слова Яака, Серенити смутилась ещё больше, но Голландский миллиардер только улыбнулся.

— Ты, мой брат, ещё ничего не видел.

Её глаза уставились на него в изумлении как раз перед тем, как свет в зале погас, и по плану сегодняшнего «тёмного ужина», подали первое блюдо. Когда закуски были поданы, Серенити нащупала свою вилку, и только хотела попробовать что-то взять, как почувствовала пальцы Виллема у себя на подбородке. Она только хотела спросить в чём дело, но его губы аккуратно опустились на её.

— Как ты так быстро нашла закуску, Серенити? — Спросил Яак.

— Горячая, — выдавила Серенити, когда губы миллиардера уже скользили по её шее. Когда он отстранился, она вздохнула с облегчением, думаю, что это был конец. Вернулись официанты, чтобы забрать их тарелки, и подать следующее блюдо. Но тут Виллем подтянул её ближе к себе, и проскользив рукой по её телу, оставил её на груди Серенити.

— Вил... — но она не договорила его имени, потому что должна была сдерживать стоны, вызываемые его пальцами, которые ласкали и теребили её соски.

— Расслабься, — прошептал он ей на ухо, — никто не увидит.

И это продолжилось. Миллиардер отпускал её, когда официанты появлялись вновь, а когда уходили, продолжал свою пытку ртом и пальцами. К моменту подачи основного блюда, она уже была сгустком сплошного желания. И тогда, Виллем притворился, что упустил вилку, и опустился под стол, она даже не думала сопротивляться. Её ноги сами по себе широко раздвинулись, и когда Виллем опустил между её бёдер голову, её голова запрокинулась, губы распахнулись, а глаза закатились от удовольствия...

— Как тебе стейк, Виллем, — спросил Яак.

Серенити почувствовалась, как миллиардер оторвался от неё.

— Сочный и нежный, — и вновь вернулся поесть её киску.

Когда подали десерт, миллиардер потянул Серенити с её места себе на колени, она ахнула, когда вдруг оказалась насаженной на его член.

— Всё в порядке? — Спросил Яак.

— Всё. Просто. Замечательно, — она больше выдохнула, чем сказала, в ритм толчков Виллема. Это было так, так чертовски хорошо, что она наплевала на все приличия, и позабыла все запреты. Это было не правильно, не профессионально, но ей было плевать.

Всё, что она хотела, чтобы Голландский миллиардер трахал её опять и опять.

К моменту, когда свет был включён, они с Виллемом сидели каждый на своих местах на приличном расстоянии.

— У тебя щербет на губах, брат, — и заметив блеск в глазах Яака, она поняла, что он всё знает. Её взгляд метнулся к Виллему, и она чуть не завопила, при виде того, что Яак назвал щербетом, на самом деле было её соками удовольствия.

Но миллиардер быстро среагировал.

— Да неужели? — Он облизнул губы, и Серенити разрывалась между желанием и смущением. Это было так чертовски сексуально!

Его помутнённые желанием голубые глаза встретились с её.

— На самом деле такой сладкий. Думаю, мне понадобится добавка, — и не говоря ни слова, он вскочил на ноги, и схватил её в охапку.

— Виллем! — Она оглянулась вокруг, чтобы извиниться, но потом замерла. Все вокруг сидели с красными лицами. А королева, сидевшая за несколько столиков от них, даже не могла взглянуть в их сторону.

Серенити завопила:

— Ты ведь говорил, никто не узнает!

Миллиардер только улыбнулся.

— Думаю, я ошибался, — он пошёл прочь, крепко держа своего ангела в руках. — Только с тобой, ангел.

Ох.

Она обвила его шею руками.

— У тебя очень специфический способ показывать свою любовь, но... — её голос дрогнул. — За это я ещё больше люблю вас, сэр.

— Виллем.

— Сэр.

— Виллем, или мы сейчас вернёмся, и сделаем тоже самое за чашечкой кофе...

— Я люблю тебя, Виллем.

— Слишком поздно, я передумал, — и миллиардер зашагал назад в банкетный зал со своей невестой на руках, где и правда подали кофе, только на этот раз свет был включен.

— *Виллем!*

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net